

Любовь яд

Автор:

Ульяна Соболева

Любовь яд

Ульяна Павловна Соболева

На что способна женщина, которую бросили, предали и втоптали в грязь? На что она способна, если ей все же удалось собрать себя по кусочкам? Она способна на изощренную месть. Теперь она красива, сексуальна и богата. Она вернулась спустя много лет, чтобы разрушить его жизнь, лишиться всего, что ему дорого. Время изменило ее голос, время изменило ее лицо, но время не залечило раны на ее сердце. Ведь поруганная любовь – это яд.

В оформлении обложки использована фотография автора kiuiKson (Jerzy Krol), ресурс depositphotos.

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Любовь яд

Глава 1

Вот я и вернулась. Кто бы мог подумать, что я буду этому рада. Только теперь этот город для меня совершенно чужой. Инга Орлова ну никак не может жить в подобном местечке. Инга нет, а вот Васька Лавриненко еще как могла, но Васька

умерла, а Инга умело стала на ее место. Ну почему-то именно этот серый городок облюбовали всякие там бизнесмены, бизнесвумены, депутаты и другая всенародно известная нечисть? Почему бы и нет? За городом речка, заповедник, лес, природа. Нынешних политиков и звезд неумолимо тянет именно в такую глубинку. Это модно – выстроить себе дворец за Мухосранском, в резком контрасте с облезлыми хрущовками самого городишки. Вот и я от них не отстала, а точнее мой любовник – Герман Новицкий. Олигарх. Папик – как все это гламурненько сейчас называют.

Я зашвырнула сумочку на обтянутый целлофаном, еще не распакованный диван, пнула носком лакированных туфель ящики с барахлом и уселась в кресло. Рука автоматически потянулась за пачкой дамских сигарет. Ремонт на вилле окончен. Два месяца возились бездари-работнички, за что только Герман им бабки платил? Хотя, сделали все со вкусом – не придерешься. Все как я люблю – в японском стиле. Светло желтые тона, квадратная низкая мебель, роспись на стенах. Мой дом. Герман великодушно подарил его мне, да и зачем ему недвижимость в этой глухомани? Любовник вообще мог купить для меня хоть звезду с неба, хоть брильянт размером с яйцо. Лишь бы по ночам я исправно раздвигала ноги, стонала под ним, изображая мультиоргазмы, и кружила головы его партнерам по бизнесу. Впрочем, более чем честный обмен: я ему тело, он мне свои деньги и связи. Мне было плевать на его холеную жену, которая жила где-то в Европе, его троих отпрысков и на всю его личную жизнь. Даже наоборот, он не обременял меня постоянным присутствием, исправно содержал, и ничего не требовал кроме секса. Мне не трудно было разыгрывать любовь до гроба, тем более Герман, в отличие от других мужчин, не бесил и не раздражал меня. Пока не раздражал. Но я прекрасно понимала, что если он мне надоест, так просто эти отношения не закончатся. Слишком много бабок в меня вложил Новицкий – а с ценными инвестициями легко не расстанутся. Он вообще много чего для меня сделал. Благодаря нему мое лицо украшает обложки известных журналов, диски с моими песнями продаются, а моя заколка стоит больше денег, чем у Васьки когда-либо было в руках за всю ее жизнь. Васька, милая нежная Васька, серая мышь с неровными зубами, огромным ртом и волосами неопределенного цвета. Ваську я убила. Уничтожила и похоронила где-то очень и очень глубоко. Нет больше Васьки, и мне ее не жаль. Инга мне нравилась куда больше. У Инги зеленые глаза, как у змеи – завораживают и гипнотизируют. У нее длинные роскошные волосы с рыжинкой, идеальное тело, белоснежные зубы. Инга – само совершенство, мужчины сходят с ума от ее голоса, походки и загадочной улыбки. А Васька? Кто такая Васька? Дочка спившихся неудачников, оказавшаяся на улице в пятнадцать лет и зарабатывающая деньги пением в кабаках? Вечно голодная Васька, без гроша в кармане днем убирала грязные

столики, а ночью выступала на обшарпанных подмостках, нанеся на детское лицо тонну грима. Единственное достоинство – красивый голос, да и тот нахрен никому не был нужен. А еще у Васьки был Артур. Был да сплыл.

Я сильно затянулась сигаретой и резко выпустила колечки дыма. С куревом надо завязывать, не то голос пропадет. Хотя, черт с ним. Петь я больше не собиралась, у меня другие планы на жизнь. Отпелась уже.

Проклятый город разбудил воспоминания. Впрочем, я знала, что так будет, когда сюда ехала. Я сделала все, чтобы вернуться, но не в образе замухрышки Василисы. Идиотское имя, только моя, вечно пьяная мамаша могла придумать такое издевательское прозвище для ребенка. Именем эту мерзость назвать нельзя.

В залу вошел Герман, удовлетворенно осмотрел помещение. Я, тут же затушив сигарету, лучезарно ему улыбнулась. Всегда поражалась – как Герману в свои сорок девять удается так хорошо выглядеть? Полтинник не за горами, а ни одного седого волоска. Всегда подтянут, ухожен, стильно одет. Ну конечно, когда любовница младше на двадцать пять лет, нужно соответствовать.

– Ты довольна, красавица? Все, как ты хотела?

Он смотрел на меня в ожидании бурных восторгов. Я тут же бросилась ему на шею, поцеловала в губы, думая о том, что у него отвратительный одеколон и нужно купить ему новый. Средство против моли пахнет лучше. Наверняка престарелая супруга прикупила. Герман растаял, замлел, он жадно целовал мою шею, прижимая к себе все сильнее. Мне захотелось от него отделаться. Только не сейчас. У меня на сегодня совсем другие планы и я должна быть в форме. Осторожно высвободившись из его объятий, я как бы невзначай спросила:

– Когда уезжаешь?

Герман нахмурился:

– Надоел?

Злить мне его не хотелось, особенно сейчас, когда от него так много зависело.

– Что ты? Просто хочу знать, когда запастись мартини и хандрить.

Любовник снова привлек меня к себе, а потом достал из кармана бархатную коробочку.

– Я тут перед отъездом решил купить тебе маленький презент. Открой.

Презенты я любила. Причем всегда и неизменно дорогие. Этот вполне соответствовал моему вкусу – тонкий браслет в виде змеи из белого золота с мелкими изумрудами вместо глаз.

– Спасибо, милый. Изумительная вещица. У тебя прекрасный вкус.

Хотя одним «спасибо» не отделаться. Вон как у него глазки горят, уже возбуждился. Ничего, завтра он уедет, и я отдохну от его объятий, липких поцелуев и влюбленных глаз. Я подтолкнула Германа к креслу, потом опустилась перед ним на колени, расстегнула его идеально отутюженные элегантные брюки. Мужчина застонал, закрыл глаза, а я подумала о том, что нужно напомнить ему о том другом презенте, ради которого мы сюда приехали.

Через несколько минут Герман откинулся на спинку кресла с блаженной улыбкой, а я поправила волосы и нежным голосом пропела:

– Ты не забыл, что сегодня у нас важная встреча с Рахманенко? Он уже знает, что должен передать контрольный пакет акций тебе?

А точнее мне, ведь Герман сдержит свое слово и подарит мне компанию «ТрастингСтрой». Точнее – сделает меня генеральным директором, что в принципе одно и то же.

– Пока что не знает, но неприятности у него начались еще месяц назад: долги, разрывы контрактов с Европой, отказы в ипотеках. То есть у него просто не будет выбора. Только одного не пойму, на кой тебе сдался личный бизнес, да еще и строительный? Тебе не хватает денег? Так скажи – я дам сколько надо.

Я уселась к нему на колени, обняла его за шею.

– Ну, зачем я в универе училась? Денег твоих мне хватает, но я хочу и свои иметь. Ты ведь не против, милый, если твоя маленькая птичка перестанет петь и займется серьезным делом? Ты ведь хочешь мною гордиться?

Я знала, что ему фиолетово, чем я буду заниматься, хоть ракеты запускать, лишь бы я была рядом и отдавалась по первому зову. Герман поцеловал меня в плечо и привлек себе.

– Иди ко мне, милая. Ты сегодня была на высоте.

И ты дорогой. Побил все рекорды – пять минут и готов. За что я тоже тебя люблю. Я погладила затылок Германа, чувствуя, как он с восторгом вдыхает мой запах и посмотрела на змею у себя на запястье – красивая тварь, коварная. Мне она нравилась. А Ваське, наверное, больше подошел браслет с цветами, она всегда любила цветы – не розы, а обыкновенные ромашки или васильки. Ваське вообще для счастья нужно было очень мало, в отличие от меня – мне нужно все, и без остатка.

Чернышев в бешенстве швырнул сотовый в угол кабинета и исподлобья посмотрел на тестя:

– Алексей Андреевич, я ничего не понимаю, какого черта сейчас происходит? Почему мне отказали в «Фондинвесте»? Вчера мы подписали с ними все бумаги, предоставили гаранта.

Рахманенко постучал сигарой о зеркальную столешницу и подкурил, жадно затянулся.

– Ты, Артур, не нервничай так. Отказали, значит отказали. Да и известно нам с тобой, почему везде отказывают – Новицкий кислород перекрыл. Так что или продадим ему контрольный пакет, или разоримся.

Тесть говорил спокойно, как всегда, четко выговаривая каждое слово. Артур не понимал, как он может оставаться равнодушным, когда гибнет дело всей его

жизни, но больше всего Чернышева бесило другое – Алексей Андреевич должен был отойти от дел и отдать бразды правления Артуру. Сейчас все мечты таяли на глазах и на большее, чем заместитель главного директора Артур рассчитывать уже не мог. Все этот проклятый Новицкий, который какого-то дьявола решил стать совладельцем "Трастинг Строя".

– Сукин сын вынуждает нас согласиться и не брезгует ничем.

– Не брезгует, там всем его девка заправляет. Певичка эта – Инга Орлова. Кстати она на место генерального директора и метит.

"Орлова? Это кто такая?" – Артур никогда не слышал о певице с такой фамилией. Получается, компанией будет заправлять какая-то тупая корова из шоу-бизнеса? Для нее это очередная игрушка, а для Артура – мечта всей жизни. Он и на Алене для этого женился, чтобы вперед рвануть, породниться с известной семейкой. Вместе с Рахманенко всякие грязные делишки проворачивал, только бы дорваться до жирного куска. Теперь все это тает между пальцев как прошлогодний снег, потому что какой-то сучке захотелось новый подарок от папика? Артур нервно пригладил волосы, на пальце блеснула печатка и обручальное кольцо.

Чернышеву недавно исполнилось тридцать, и он считал, что добился в этой жизни всего или почти всего: карьерный рост, деньги, известность, жена-красавица. Что еще нужно для счастья? По ночам казино, друзья, кабаки. Любовницы менялись как перчатки. Все в жизни заладилось. Все кроме самого главного – Чернышеву нужен был «ТрастингСтрой». И он уже "лежал у него в карман" в полном смысле этого слова, пока не появился проклятый Новицкий.

Артур вышел на улицу. Поднял повыше воротник кожаной куртки и, сощурившись, посмотрел на небо – сейчас польет как из ведра. Быстро прошел между припаркованных возле «ТрастингСтроя» иномарок, и нажал кнопку на пульте. Пикнула сигнализация его «ауди». Артур уселся за руль, сбросил куртку и включил радио. Музыка ему понравилась, сделал погромче и повернул ключ в зажигании. Взревел двигатель, машина сорвалась с места.

По радио пел красивый, низкий женский голос и песня такая – с надрывом, неплохая песня, хотя Артур попсу не особо уважал. Голос показался довольно

знакомым, где-то он его уже слышал. Впрочем, этих певичек как собак нерезанных, каждый год появляются пачками и исчезают. Хотя у этой все же вокальные данные неплохие. Сейчас домой к Алене, а вечером в ресторан. Встреча с Новицким. Урыл бы тварь, все испоршивел. Но Алексей Андреевич прав – врагов нужно знать в лицо, да и на сучку Новицкого посмотреть охота. Может положить ее под себя со временем и все – карты биты? И Новицкому насолить, и бабу трахнуть, и, возможно, пакет акций обратно заполучить. А что? Идея неплохая совсем. Наверняка любовница олигарха та еще штучка, у таких папиков игрушки всегда красивые.

Артур затормозил на светофоре и в этот момент в него сзади кто-то врезался.

– Твою мать! Ну что за день такой паршивый?!

Артур яростно распахнул дверцу, дождь заморосил в ту же секунду, как он вышел из машины. В него врезалась новенькая «тойота» и за рулем явно сидела женщина.

– Не, ну где твои глаза? Мать твою, где? Светофор не видела?

Дверца «тойоты» открылась и на мокрый асфальт ступила изящная ножка в туфле на высоченной шпильке. Гнев как-то и поутих. Обладательница очаровательной стройной ножки так же оказалась обладательницей прекрасных густых волос, зеленых глаз с поволокой, чувственных губ, великолепной фигуры в элегантном мини-платье черного цвета и плаще из тонкой кожи. Девушка взглянула на Артура так, что у того ухнуло сердце, и показалось, что он с огромной высоты летит в пропасть. Нечего себе красотки ездят по улицам. Шмотки дорогие, все эксклюзив, пахнет терпким ароматом "шанель".

– Простите, не хотела вас задеть, не заметила.

Артур осмотрел ее с ног до головы и едва удержался, чтобы не присвистнуть.

– Светофор не заметили?

Он уже умерил свой пыл и предвкушал, как позовет эту сногшибательную шатеночку в кафе, потом затащит ее в постель и не возьмет с нее ни копейки за

помятый багажник. А ведь помяла нехило. Черт, как этим бабам вообще права дают? Хотя эта, наверное, один раз взглянула своими ведьминскими глазами и ей не только права дали, но и машину подарили.

– Не заметила, у меня сережка упала под сиденье, я наклонилась и в этот момент удар.

Девушка подошла к его машине. Слегка наклонилась, осматривая повреждения.

– Фары целы, так – чуть багажник помяла, моей «тойоте» досталось похлеще.

Артур в этот момент смотрел на ее ноги и чувствовал как кровь быстрее бежит по венам, а дыхание учащается.

"Черт, а ножки просто идеальные: ровные, стройные, тонкие лодыжки, сильные икры". Из-под юбки виднеется краешек кружевной резинки чулок. Артур даже судорожно глотнул воздух, воображение нарисовало круглую попку незнакомки без юбки. В паху тут же требовательно заныло.

"Завелся как кобель, с пол-оборота. Ну, так ведь красивая, зараза. Очень красивая".

В этот момент девушка обернулась и ее идеальные тонкие бровки приподнялись:

– Ну, так что будем делать?

Артур усмехнулся и снова осмотрел ее с ног до головы. "Что будем делать? Для начала напью тебя шампанским, потом отвезу тебя в гостиницу, отдеру по самое нехочу и все – мы в расчете".

– Давайте обсудим это в кафе, вы не против? Тут рядом есть милое местечко, а то вы вся промокнете.

Незнакомка презрительно на него посмотрела и усмехнулась:

– Вы голову мне не морочьте. Сколько за ремонт? Мне ехать пора.

Артур удивился. Ничего себе. Это что – она его типа отшивает? Его? Чернышева? Да бабы от одного взгляда на него трусики выжимают. Что за бред? Артур улыбнулся.

– Ну зачем сразу деньги? Можно и так договориться. Вот вас как зовут?

– Никак. Когда мне нужно – я сама прихожу. Послушайте, ваше предложение мне не интересно, вот просто никак не интересно, так что говорите сколько, и дайте мне уехать.

А она не шутила, глаза сверкнули. Красивые глаза, завораживающие. Наверняка линзы. Такого цвета радужки почти не бывают – мокрая листва. Незнакомка достала из машины сумочку, вновь показав прелестные ножки в чулках, Артур даже забыл, как дышать от резкого всплеска адреналина. Она подошла к нему, невозмутимо открыла кошелек и протянула Артуру свернутые купюры:

– Здесь больше, чем вам нужно на ремонт. Я могу ехать или полицию позовете?

Артур посмотрел сначала на деньги, потом на ее красивое лицо с матовой золотистой кожей и почувствовал, как начинает злиться.

– Деньги спрячьте, я что на нищего похож? Просто кофе попить предложил, ничего особенного.

Она усмехнулась, и он увидел белоснежные зубы, ровные, аккуратные. Губы не тронуты косметикой, но кажутся сочными чувственными. Наверно когда их целуешь, испытываешь невыносимое наслаждение.

– Знаем мы ваш кофе и про капучино тоже знаем. Кофе пусть вам лучше жена приготовит, наверняка заждалась дома.

Только сейчас Артур понял, что сжимает рукой воротник куртки и сверкает обручальным кольцом. "Мать его так. Не успел снять в этот раз".

Между тем незнакомка вернулась к своей машине, завела двигатель. Проехала полметра и остановилась напротив него:

– Деньги возьмете или так попрощаемся?

Артур сделал последнюю попытку и почувствовал себя полным идиотом:

– Номер телефона дадите и можете ехать.

– Ха. Я вам не справочное бюро и мой номер стоит дороже, чем ваш "ауди".

Она резко тронулась с места и забрызгала его туфли. Артур вернулся в машину и влился в поток автомобилей.

– Стерва. Вот стерва. Ничего, у нас городок маленький, еще встретимся. Номер ее телефона дороже моей тачки? Нихрена себе выдала.

В этот момент он сам резко затормозил и в удивлении уставился на рекламный щит возле обочины. Со щита на него смотрела незнакомка – в кожаной одежде, верхом на мотоцикле, в руках флакон знаменитых духов и огненные блики вокруг. Зеленые глаза сверкают, и в зрачках отражается пламя. Настоящая ведьма, безумно красивая ведьма. Никогда не встречал таких, даже кровь начинает бежать по венам как бешеная, а сердце колотиться как после хорошей стометровки.

Глава 2

Через пару метров я резко свернула за угол и дала по тормозам. Черт... а... черт... Вот он мне почву из-под ног выбил, ловко так, одним взглядом. Мне было нечем дышать, я сорвала шарфик и открыла окно. Не узнал. Конечно, не узнал. Иначе и быть не могло. Столько лет прошло, да я и сама себя с трудом узнавала. А вот он не изменился, разве что повзрослел. Возмужал, можно сказать. Тогда он еще не был так циничен. Хотя, несомненно, зачатки наблюдались. Все-таки прошло почти восемь лет. Сколько ему тогда было? Двадцать два, а мне восемнадцать. Нет, не мне, а Ваське. Дура проклятая эта Васька – увидела его и

восстала из мертвых. Черт побери его наглую улыбку, его голос. Вообще его всего. Глаза все такие же синие, горят пламенем, а под ними лед, яд под ними. Сволочь самоуверенная. Только теперь эта сволочь повзрослела и мне будет трудно, только сейчас я поняла насколько трудно. Ничего не закончилось, для меня, по крайней мере, и напрасно я думала, что стала крутой, сильной и равнодушной. Рядом с ним я просто Васька. Когда он на меня смотрел, по моему телу прошла дрожь, только от одного взгляда. Предательская дрожь, мне она не понравилась. Не думала я, что она вернется, как только увижу этого гада снова.

Конечно, я ему понравилась, ему все нравятся без особого разбору. Очень нравятся на одну ночь. Я знала про Чернышева все: с кем спит, где проводит время, кто его друзья, кого предпочитает – блондинок или брюнеток. Я даже знала, что он таки женился на Алене. Хотя в этом можно было не сомневаться еще тогда. Все у него хорошо – карьера, бизнес. Прожигает каждый день, сорит бабками, бросает женщин. Как всегда. Только теперь в нем появился лоск, стиль, этот грубоватый шарм, которого раньше не было. А еще Артуру очень шла щетина, лицо мужественное, он не красавец, но в нем есть то, от чего у женщин коленки трясутся, и сердце начинает колотиться как бешеное. Глаза наглые, раздевают, прожигают. Артур умел смотреть на каждую женщину как на королеву красоты. Этого у него не отнять. Привык к легким победам? Я заставлю тебя плакать, я заставлю тебя страдать и терять. Ты научишься терять, Чернышев. Терять все, что тебе дорого. Я второй раз не стану на те же грабли. Не за тем я уже почти восемь лет сплю с Германом, чтобы так легко сдаться, и при том – после первой встречи. Надо было подготовиться получше. Хотя сколько не готовься, ничего не изменится. Я все еще его любила. Ненавидела, презирала, мечтала уничтожить, но любила. И эту любовь я ненавидела. Мерзкую, проклятую любовь, жалкую, грязную, ничтожную как скользкая тварь. Но эту тварь я научилась душить, загонять в угол и забивать до полусмерти. Итак, пора начинать.

Я достала из сумочки сотовый и быстро набрала номер:

– Иван Владимирович, это Инга. Что у вас для меня есть?

– Инга, милая, ты уже приехала? Так быстро? Я ожидал тебя дней через десять.

– Герман поторопил своих оболтусов, и они закончили в срок. Не томите меня, что там ваш человек узнал?

– Много чего узнал, милая, много чего. Приезжай ко мне завтра, порадуй старика, давно я тебя не видел.

Я улыбнулась. Эх, Иван Владимирович, один вы у меня и остались из моего прошлого.

– Конечно, приеду. Спасибо вам.

– Инга, чем могу, как говориться – ты же меня старого содержишь, у меня что только и осталось, так это мои связи. Вот помру, и кто тебе помогать будет?

Мое сердце дрогнуло. Я не любила, когда он так говорил, меня охватывала тоска.

– Ну что за глупости. Вы еще нас всех переживете. К вам сиделка приходила сегодня?

– Так она теперь со мной круглосуточно, сейчас в магазин побежала за кефирчиком. Я ж не молодею, милая, я все дряхлею и болячка моя обострилась. Вот Верочка и сидит со мной сутками.

Я почувствовала, что начинаю нервничать. Иван Владимирович от меня что-то скрывает.

– У вас снова приступы начались, да? Только не обманывайте.

– Да было один раз всего, только ты не волнуйся, все обошлось – Верочка скорую вызвала.

– Так. С завтрашнего дня у вас кроме Верочки будет медсестра дежурить. Я подскочу к вам утром. Так что запасайтесь моим любимым вареньем с печеньками.

– Да, Васенька, как всегда. У меня припасено. Я же тебя жду каждый день. Мне только и осталось ждать тебя, мое солнышко.

– Иван Владимирович! – я строго нахмурилась, но злиться на него не могла.

– Прости старого дурака, вырвалось.

Значит информация подтвердилась, а еще наверно по ходу и фотки будут. Ну что, Чернышев, приступим к игре в кошки-мышки? Только теперь кошкой буду я.

8 лет назад

Васька

– Василиса, куда опять голодная пошла? Я тебе бутерброды сделал. А ну-ка остановись. Ишь – размалевалась. Васька, ты мне смотри, чтоб в десять дома была.

Я с благодарностью взяла завернутый в лощеную бумагу бутерброд, чмокнула Ивана Владимировича в морщинистую щеку и быстро сбежала с лестницы. Иван Владимирович – мой сосед, а теперь и мой опекун. Инвалид войны, одинокий старик, который пожалел бедную сиротку, когда мои непутевые родители сожгли квартиру и сгорели в ней сами. Мне тогда едва шестнадцать исполнилось. Хотели меня в детдом определить, вот Иван Владимирович опекунство и оформил. Только сейчас я понимаю, какой это был подвиг с его стороны. Сам на гроши жил, едва концы с концами сводил, а еще и меня содержал. Следил, чтобы в школу ходила, кормил, поил. Я его любила, любила больше, чем своих вечно пьяных мамашу и папашу, который нещадно выбивал из меня «дурь» ремнем с солдатской пряжкой. Хорошая такая пряжка была, у меня она на всех частях тела отпечатывалась почти каждый день. Матери наплевать было, она как всегда – или под столом валялась, или находилась в поисках выпивки, а отец лютовал. Я тогда у Ивана Владимировича пряталась, а потом он и приютил меня навсегда. Сейчас я ума не приложу, как мы выжили на его копейки да на мои гроши. Иван Владимирович всегда говорил, что это мы шикуют, что я и не ведаю что такое настоящий голод. У меня кусок хлеба три раза в день, варенье, картошка да печенье, а вот в войну им такой кусок на всю семью на целые сутки выдавали. Вот такой у меня Иван Владимирович. Наверное, все же нужно называть его отец.

В этот день я отработала с утра официанткой, а к вечеру переоделась в свое единственное нарядное платье и пела для пьяной публики. Хорошим обещал быть вечер, за парой столиков день рождение справляли, все время песни заказывали. Генка, хозяин ресторана, если это место можно было так назвать, ходил с довольной рожей, и я понимала, что моя сегодняшняя выручка будет очень неплохой. Я на это очень надеялась. Ивану Владимировичу надо лекарств купить, да и у меня все вещи изнасились, а осень уже на носу. Пела я давно, сколько себя помню. Каждый день раньше бегала в музыкальную школу, выступала на концертах, вот и пригодилось теперь умение. Тогда это была возможность сбежать из дома, где мое отсутствие не особо замечали.

ОН появился около девяти вечера. Когда увидела его, даже с ритма сбилась. В этой забегаловке такого парня не встретишь. Тут одна пьянь, да районная босота. Я сразу поняла, что эта компания забрела сюда случайно. Два парня и две девушки, только я его спутников не заметила, а вот с него глаз не сводила. Это была любовь с первого взгляда – как в кино или книжках. Только моя книжка была с плохим концом, но тогда я еще об этом не знала. Просто пожирала его взглядом и чувствовала, как мое сердце пропускает удары. Он был модно одет. Я, конечно, не понимала в этом особо, только мне безумно нравилась его спортивная рубашка и светлые потертые джинсы. Он беседовал с друзьями, смеялся, курил. На меня не смотрел. Я была только фоном для приятного вечера. А потом он все же бросил взгляд на сцену, если так можно было назвать освещенный красным фонарем пятак, и меня пронзило током. Его глаза. Они были пронзительно-синие, как кусочки неба после грозы. Взгляд тяжелый, его чувствуешь всем телом, словно смотрит прямо в душу. Теперь я пела для него. Мой репертуар полностью изменился, и не только репертуар – изменилась я сама. Завсегдатаи улюлюкали, удивляясь перемене, словно чувствовали, что теперь я пою всем сердцем – а я просто смотрела на него и слова сами рвались наружу. Теперь парень смотрел на меня с интересом, он даже забыл про свою спутницу. Пускал колечки дыма и не сводил с меня изумительных глаз.

Все моя воодушевленность нынешним вечером испарилась, когда я пересчитала деньги, которые заплатил мне Генка, владелец этого гадюшника. Генка, у которого я пахала как проклятая чуть ли не целыми сутками.

– Гена, ты что? Тут же меньше чем вчера, я ведь знаю, что должно быть на сотню больше.

Генка отмахнулся от меня как от назойливой мухи.

– Все что есть, вали домой, Васька, и скажи спасибо.

У меня от обиды даже слезы на глазах выступили.

– Ген, я же сегодня четырнадцать часов отработала. Музыку постоянно заказывали.

Генка с раздражением отодвинул меня в сторону и хотел выйти в опустевшую залу, но я схватила его за руку.

– Не заплатишь – больше не выйду.

Мужчина резко схватил меня за запястье и выкрутил его так, что искры с глаз посыпались.

– Ты, рвань подзаборная, спасибо скажи, что я вообще тебе работу даю и хоть что-то плачу. Уйдешь – нигде работы не найдешь. Я тебе обещаю – ни в одно заведение кроме борделя не возьмут. Да и там хорошо подумают. Посмотри на себя – кожа да кости, подержаться не за что. Выглядела бы хорошо, так и платили бы тебе больше. Тоже мне, звезда выискалась. Пошла вон!

– Скотина! – Я плюнула ему в лицо, и в этот момент он замахнулся.

– Девушку в покое оставь! И лапы от нее убери!

Я обернулась. В проеме двери стоял тот парень, ради которого я весь вечер пела так, как в последний раз. Генка нахмурил бесцветные брови.

– Мы уже закрылись, так что будьте добры – освободите помещение.

Парень усмехнулся:

– Ты бы охрану себе завел что ли. Девочку отпусти и деньги отдай.

– Да пошел ты! – Генка оттолкнул меня с такой силой, что я больно ударилась о стойку бара. Он повернулся к парню, – мне охрана не нужна – я сам тебя уделаю.

В тот же момент мой неожиданный спаситель резким ударом ноги уложил Генку на кафельный пол, навалился на него сверху и сдавил ему горло одной рукой. Я засмотрелась на парня: под светло серой рубашкой перекачивались мышцы, на четких скулах играли желваки. Для меня он был чуть ли не принцем на белом коне. Он из другой жизни, из яркой красивой жизни, которую можно увидеть только в кинотеатре, такие, как он, не смотрят в сторону таких, как я.

– Деньги отдай! – отчеканил парень, сдавливая горло Генки сильнее.

Тот покраснел, глаза повылазили из орбит, он нервно шарил в кармане. А я смотрела на парня, и мое глупое сердечко билось быстро-быстро.

Деньги мне заплатили, Генка швырнул в мою сторону мятые купюры и прошипел:

– Чтоб ноги твоей здесь не было.

Я побледнела, мне даже стало нехорошо. Если Генка меня прогонит, я останусь без гроша в кармане. На пенсию Ивана Владимировича мы точно не протянем. Но парень уже вытянул меня за руку на улицу. Наверное, я ревела, потому что он вытер слезы с моих щек и укутал меня в свою куртку.

– Где ты живешь? Я отвезу тебя домой. Меня Артур зовут, а тебя?

Я всхлипнула и тихо пробормотала:

– Васька.

– Что за имя такое? Нет, ты не Васька – ты Василиса прекрасная.

Вот так я познакомилась с Артуром, и моя жизнь изменилась. Просто резко пошла в гору. Для того чтобы потом было больнее падать вниз. Но тогда я об этом не думала. Я влюбилась. Первый раз в жизни. Влюбилась до дрожи в коленках, до сумасшествия, я просто потеряла голову.

Артур показал мне, что жить можно по-другому. На следующий день после нашего знакомства он устроил меня на работу в другой ресторан. Приличный. Брать меня сразу не хотели, но, видимо, у Артура везде были знакомые. Так что меня приняли, правда с условием, что Артур приведет меня в порядок. Я не особо понимала, что это значит, но к вечеру у меня была новая одежда, новая прическа и собственный сотовый. Кто-то, наверное, сказал бы, что это неприлично – так вести себя с незнакомцами. Но я не считала Артура незнакомцем, он так красиво делал подарки, что от них было невозможно отказаться, он говорил, что это нужно для новой работы, что деньги я верну ему потом. Тогда я думала, что верну обязательно. Артур ухаживал за мной красиво, нет, он ухаживал волшебным, непередаваемым. Даже когда я уже не была с ним, я все еще понимала, что в искусстве обольщения ему нет равных.

* * *

Артур осторожно повернул ключ в замке, надеясь, что никого нет дома, и Алена уехала к своей матери. Надежды не оправдались. Жена стояла за дверью с заплаканным лицом и вечным упреком в глазах. Артур сухо чмокнул ее в щеку, снял грязные туфли и прошел в залу, сел на белый кожаный диван, закинул ногу за ногу. Раздражение нарастало постепенно, издали.

– Ты почему до сих пор не собралась? У нас важная встреча вечером, – он щелкнул пультом от телевизора.

Алена подошла к нему сзади, он физически ощущал ее ярость, но ему было наплевать, сейчас начнет орать. Словно в ответ на его мысли Алена закрыла собой телевизор и прошипела:

– Собралась? Ты со вчерашнего дня не был дома, тебя не было всю ночь и весь день! Ты не ответил ни на один мой звонок, и ты просто так приходишь и спрашиваешь, почему я не собралась?

Только ее истерики сейчас ему не хватало. Итак неприятностей хоть отбавляй.

– У меня сдохла батарейка, я устал и ночевал в офисе, – прозвучало фальшиво. Прошлую ночь он провел в стриптиз-баре с друзьями. Набрался до такой степени, что ночевал в машине.

– Врешь! Ты опять врешь! Я никуда с тобой не пойду, никуда, слышишь? Я вообще уйду к матери, а ты останешься один.

Артур молча закурил, глядя сквозь нее, пытаясь все же посмотреть на экран телевизора.

– Тебе помочь вещи собрать? Управишься сама? А то ты вроде как ничего не умеешь, так я помогу – только скажи.

Алена яростно швырнула в его сторону вазу, та с грохотом разлетелась на мелкие кусочки, но Артур даже не вздрогнул.

– Ты – сволочь. Чернышев, ты использовал меня как игрушку для своих целей, а теперь я тебе стала не нужна. Я все расскажу отцу про то, как ты со мной обращаешься. Не думаю, что он останется к этому равнодушным. Вышвырнет тебя с компании и...

Артур оказался возле жены молниеносно, словно не просто слышал все, что она говорила, а был готов и к последним словам, он схватил ее за плечи и резко потряхнул. Белокурые волосы Алены взметнулись веером и упали на заплаканное лицо. Когда-то она казалась ему красивой. Не то чтобы Алена сильно изменилась, просто жена ему надоела. Приелось все: и ее красота, и ее упреки, и ее любовь.

– Ты меня шантажируешь? Ты прикрываешься своим отцом как щитом уже восемь лет, чертовые восемь лет ты ставишь мне ультиматумы и пытаешься давить на меня. Посмотри на себя – разве ты жена? Ты жрать готовить не умеешь, за тебя все делает домработница. Вот сейчас я вернулся голодный и уставший, ты спросила меня, хочу ли я есть?

Алена пыталась высвободиться, цепляясь руками за его запястья.

– Тебя наверняка покормили те шлюхи, у которых ты ночевал. Отпусти меня. Отпусти сейчас же.

Ее светло серые глаза блестели от слез. Артур заметил, что полы халата разошлись в стороны и виден кружевной бюстгальтер. Он почувствовал дикое

возбуждение, эта девка с «тойотой» все еще не выходила с головы. Артур дернул ее халат на себя, порвался пояс, и Алена тихонько вскрикнула.

– Не смей, животное.

Он ее уже не слышал, поднял на руки и понес в спальню. Лучший способ заткнуть ей рот – это просто подмять ее под себя.

– Жрать не умеешь готовить, исполняй хоть супружеский долг.

Артур швырнул жену на постель, быстро разделся. Она не сопротивлялась, Алена никогда не отказывала. Даже вот после таких бурных ссор. Но она и не выражала никаких эмоций. С ней так всегда, лежит под ним, тихо постанывает, иногда целует в шею и все. Даже когда кончает, вздрогнет, рот рукой прикроет, а потом отдыхает с закрытыми глазами. Пословица о фригидных женщинах и неумелых мужчинах тут неуместна. Артур поначалу изощрялся, как мог: и ванна в лепестках роз, и оральные ласки, и спонтанный секс, и экстремальный – у Алены реакция всегда была одинаковой. Она только брала, точнее она просто позволяла ему делать с собой все что угодно. Первое время у него был азарт ее расшевелить, а потом спустя пару лет азарт погас, восхищение ее красотой тоже, и остались вот такие нечастые сокоупления. Иначе Артур это назвать не мог. Иногда ему казалось, что он вводит член в куклу, красивую равнодушную куклу. Нет, она ни в чем не виновата, просто по темпераменту они совершенно разные. Артур хотел страсти и новых впечатлений, а Алену вполне устраивала возня под одеялом раз в неделю. Она его любила, в этом Артур не сомневался, вот только он ее нет. Никогда не любил. Впрочем, он вообще не помнил, любил ли кого-то за всю свою жизнь. Было пару ярких романов до свадьбы и после. Остальное как-то размазано. Женщины в его жизни менялись так часто, что он не успевал запомнить ни имен, ни их внешности. Они превратились для него в добычу. Интересную, порой и не очень добычу. У него всегда были свои правила игры, развлечение своего рода. Только сейчас, врезаясь в податливое тело Алены, дразня языком ее розовые соски, он думал о той незнакомке с дороги. Такой женщины у него еще никогда не было. Дело не в красоте, а в шике. В породе. Та женщина знала себе цену и в чем-то походила на него самого. Интересно, какая она в постели? Холодные с виду бывают неупержимыми в сексе. Артур чувствовал, как возбуждается больше и больше, что теперь Алена тихонечко всхлипывает, ему даже захотелось накрыть ее рот рукой, чтобы не слышать, а погрузиться в фантазии. Почувствовал, как она кончает, как мышцы ее лона сокращаются вокруг его члена и ему захотелось ее потрянуть: "ори, мать

твою, стони, скажи хоть что-то".

Спустя несколько минут Артур скатился с нее и лег рядом. Вот так всегда после секса – пустота. Пустота и желание смыться подальше, не видеть ее влюбленных глаз, не слышать ее голос.

– Артур, – Алена положила голову ему на грудь, и он по привычке обнял ее за плечи, – у нас будет ребенок.

Чернышев тяжело вздохнул: "Ребенок? Хм... Чудесная новость. Мне попрыгать от счастья, закружить тебя в воздухе? Ну и нафиг мне сейчас ребенок? Хотя, нет. Наверное, все же ребенок – это неплохо. Она будет занята, оставит меня в покое и о разводе больше не заикнется. Еще один Чернышев... Даже забавно. Для моего статуса не помешает".

Артур прижал к себе Алену крепче:

– Вот и хорошо, радость моя, чудесно. Ребенок – это просто здорово. Родишь мне сына.

Он почувствовал, как Алена расслабилась, начала гладить его по груди.

– А если девочку?

– Значит девочку. Срок какой?

– Месяца три, врач сказал. Артур, ты рад? Ты счастлив, что у нас будет малыш?

Чернышев освободился от ее объятий быстро встал и пошел в ванную, уже оттуда он крикнул, намыливая волосы шампунем:

– Очень, счастлив. Ты даже не представляешь насколько. Одевайся, Алена, нам через час нужно быть в ресторане.

К этому вечеру я готовилась тщательно. Нет, я, наверное, простояла перед зеркалом часа три. Результат меня вполне удовлетворил. Я любила меняться. Мне нравилось воплощать разные образы. Сегодня я хотела быть сексуальной. Нет, не просто сексуальной, я хотела, чтобы он увидел меня и весь вечер ерзал на стуле от неконтролируемой эрекции и, черт возьми, будет ерзать или я не Инга Орлова. Последний штрих – духи. Неизменная "Шанель Мадмуазель". Когда-то старая подруга Германа, Ольга, он ее за глаза называл княгиней Ольгой, научила меня искусству соблазнения. Я часами слушала эту мудрую женщину, необычайно красивую для своего возраста и перенимала от нее уроки жизни. Ольга говорила, что красоты слишком мало. Красивым может быть и шкаф в зале, и замочная скважина в двери, и картина на стене. Но проходит время, мы привыкаем к этой красоте и больше не замечаем. Человек отличается от предмета способностью меняться, перевоплощаться. Женщина должна быть с шармом, неповторимой изюминкой, со своей личной «подписью». В женщине должна быть порода. В каждом движении, в каждом слове чувствоваться подтекст. И я старалась соответствовать. Через пару месяцев таких уроков Герман начал брать меня с собой на важные встречи и приемы. Он вывел меня "в свет".

Этот вечер для меня был важнее, чем первый бал у дебютанток королевской семьи. Мой первый выход на сцену – и от него многое зависело. Артур должен испытать самые противоречивые чувства: от ненависти, до сумасшедшего желания. Он должен понять, что перед ним сильный противник, а не очередная любовница Новицкого. И это будет трудно, особенно с Чернышевым, для которого женщины созданы только для одной цели – секса. Так что я должна быть и сексуальной, но в то же время недоступной, умной, лаконичной.

– Милая... Ну, ты скоро? Я уже заждался. Ты же знаешь, что ночью я улетаю.

Герман зашел в спальню, поправляя галстук и замер, глядя на меня. По выражению его лица я поняла, что выгляжу сногшибательно. Герман всегда со мной честен, если бы что-то было не так, он бы сказал.

– А может, останемся дома? – это все что он смог выдать и нервно поправил волосы.

Я засмеялась, довольная его реакцией.

– Ну уж нет, я этого события ждала слишком долго. Что скажешь? Я тебе нравлюсь?

Я кокетливо повертелась перед ним на каблуках.

– Еще раз так сделаешь, и я никуда не поеду, – проворчал Герман, а потом все же улыбнулся.

– Плутовка, хитрая лиса. Когда они тебя увидят, то акции отдадут бесплатно.

Я чмокнула Германа в щеку, потом взяла под руку и повела к дверям. Мне не нужны акции, мне нужен Чернышев. Плачущий Чернышев, раздавленный Чернышев, влюбленный Чернышев. А акции – лишь средство достижения цели. Как и Новицкий.

Встреча должна была состояться за городом в шикарном закрытом ресторане. Когда я переступила порог ярко освещенной залы, то поняла, что нервничаю. Не просто нервничаю, а у меня предательски трясутся коленки и даже потеют ладони. Герман почувствовал мое состояние. Он удивленно на меня посмотрел:

– Можно подумать, это в первый раз. Расслабься, милая. Я рядом. Они не посмеют слово тебе сказать.

Достаточно взгляда, а Артур умел взглядом убить, раздавить, растоптать. Этого у него не отнять. Я заметила их сразу. Официанты суетились рядом с их приват-столиком, постоянно наготове броситься выполнять малейшую прихоть. Артур пришел не один, рядом с ним я увидела Алену – и краска бросилась мне в лицо. Не думала, что все еще могу нервничать по этому поводу. О том, что Чернышев женился, я знала давно, но знать и видеть – разные вещи. Меня передернуло, когда я заметила, что он что-то шепчет ей на ухо, и она мило улыбается. Алена никогда не пробуждала во мне теплых чувств, и не потому, что я ревновала, а потому что не понимала, как можно безропотно терпеть рядом такого негодяя. Он изменял ей каждый день, каждую ночь. Неужели она со всем этим смирилась. Сидит, улыбается, насыпает ему салатик. Дура. Хотя, я не могла не отдать ей должное – она красавица. Натуральная блондинка с нежным цветом лица и красотой фарфоровой куколки, хрупкой и нежной.

У Артура вид был скучающий, пока он не заметил меня и Германа. Я видела его реакцию: вначале удивление, а потом саркастичная усмешка, презрительная такая, уголком рта. Он мне кивнул, давая понять, что узнал. Рахманенко поднялся нам навстречу, пожал руку Герману, потом окинул меня оценивающим взглядом. Оценил высоко – это я поняла по циничному блеску в его прищуренных глазах неопределенного цвета. Владелец «ТрастингСтроя» учтиво поцеловал мне руку, не спуская с меня пытливого взгляда, от которого по коже пробежал холодок. Но меня, как всегда, спасла моя выдержка, я улыбнулась ему одной из самых лучезарных улыбок, демонстрируя всем своим видом, что опасности не представляю. Я просто кокетливая молодая женщина, довольная своим статусом. Еще рано показывать коготки. Еще не время.

– Алексей Андреевич, – представился он мне, явно недооценивая мою осведомленность, и я расслабилась. Игра удавалась на славу.

– Это мой зять Артур, с ним вы будете работать непосредственно и моя единственная прекрасная дочь – Елена.

Мне даже захотелось расхохотаться. Елена Прекрасная, Василиса Прекрасная и Артур-дурак. Чернышев пожал руку Герману, снова кивнул мне.

– Вы знакомы? – удивленно спросил Герман и я быстро, наверное слишком быстро ответила:

– Нет, – а потом посмотрела на Артура, ожидая его реакции, он ухмыльнулся, окинул меня наглым взглядом и подтвердил мои слова. Я не смутилась, сегодня я была уверена в себе как никогда и видела, что стрела достигла цели: синие глаза вспыхнули, он мысленно уже давно меня раздел и уложил в постель. Нет, не в постель, только не он. В его мыслях я, наверное, отдаюсь ему в туалете или на лестнице. Невольно почувствовала, как сама невольно представляю себе подобную сцену и разозлилась, когда по телу прокатилась неконтролируемая волна желания. Я знала, какой он безудержный в любви, я знала какой он страстный любовник и, черт подери, я все еще хорошо помнила, как содрогалась от наслаждения в его руках.

Мужчины решили посадить меня рядом с Аленой. «Приятное» соседство – ничего не скажешь. Впрочем, врагов нужно знать в лицо, а Алена – мой личный враг номер два. Я должна понять ее характер, слабые места, чтобы потом умело ею манипулировать. Было бы неплохо даже стать ее подругой, но об этом я подумаю позже, пока что не помешало бы прощупать почву.

Мужчины перешли к делу не сразу, они обсуждали политику, потом меню ресторана, а я все это время слушала болтовню Алены. Точнее делала вид, что слушаю, на самом деле я ждала, когда они заговорят об акциях. В воздухе витало напряжение, и все играли свои роли в спектакле под названием «учтивость». Рахманенко и Чернышев наверняка испытывают желание нас разодрать.

Украдкой я рассматривала Артура и чувствовала, как быстро кровь бежит по венам, как зашкаливает адреналин. Он все еще меня волновал, нет, я лгу, он меня не просто волновал, он выворачивал меня наизнанку. Почему он не стал выглядеть хуже с годами? Не располнел, не превратился в скучного интеллигента? Даже его одежда – он намеренно проигнорировал дресс-код заведения. Никакого костюма, в отличие от его тестя и моего любовника. Во всем облике легкая небрежность: расстегнутая рубашка, под которой виднелась загорелая шея, непослушные волосы, сережка в ухе, ухоженная щетина. Сексуальный мерзавец. Он знал, как действует на женщин. Но я не одна из его подстилок, со мной это не сработает. Чернышев закурил и снова блеснул массивной печаткой. Алена демонстративно закашлялась, посмотрела на мужа с упреком:

– Я не выношу запах сигарет, почему ты куришь возле меня?

Артур и не подумал затушить, он посоветовал Алене пересесть. Значит не все ладно в королевском семействе. Далеко не все. Возьму на заметку. Тем временем Алена обиженно встала и направилась в дамскую комнату. Артур проводил ее взглядом и неожиданно повернулся ко мне:

– Шампанского?

– Я не пью шампанское, – ответила я и нагло улыбнулась – только "Периньон".

Артур подозвал официанта, а Рахманенко повернулся к Герману:

– Ну, так как, может, все-таки договоримся? Не один год друг друга знаем, можно прийти к не менее выгодному решению.

Герман ответил очень быстро и довольно грубо на мой взгляд:

– Ты, Алексей Андреевич, со мной прийти к решению не сможешь. Твои счета арестованы, твои кредиторы рвут и мечут, требуют первых выплат. Тебе нечего мне предложить, так что предлагаю тут я, а ты соглашаешься.

Я насторожилась, в это время Артур налил мне вино, стараясь отвлечь от разговора.

– Герман, мы оба прекрасно знаем, почему арестованы счета компании, если ты уберешь арест, я смогу выплатить тебе хорошую сумму, и ввести в дело как партнера, что тоже довольно выгодно.

Герман усмехнулся:

– Хорошую сумму? А что, по-твоему, заключает в себе это слово – "хорошая сумма"? То, что ты можешь мне предложить – это копейки, а вот компания будет приносить мне прибыль долгие годы. При умелом правлении.

Рахманенко налил себе водки и залпом выпил:

– Вот именно, при умелом, но если я правильно понял – управлять собираешься не ты.

Теперь они заговорят обо мне.

– Верно, генеральным директором будет Инга, и не сомневайся в ее способностях, моя девочка даст фору и тебе, и твоему зятю.

Когда он произнес "моя девочка", Артур бросил на меня издевательский взгляд, но я сделала вид, что не заметила.

– Не смей меня, Герман, такой компанией как «ТрастингСтрой» твоя... хммм... Инга вряд ли сможет управлять. Для этого нужен опыт, знание компании изнутри, годы работы с коллегами.

Теперь уже я вмешалась:

– "ТрастингСтрой" последнее время приносит только одни расходы, все ваши деньги уходят на взятки чиновникам за бракованные проекты, которые не прошли первую проверку, проекты, которые даже не утвердили. Вам нужно направить деньги в другое русло – взять ипотеку и внести изменения в проект, потом выгодно перепродать его на рынке и остаться с выручкой. Вы тратите больше, чем получаете, и тратите бездумно – это лишь вершина айсберга. На самом деле, я думаю, вам стоит уволить вашего главного директора, бухгалтера, обновить кадры, набрать молодых специалистов, которые еще не ждут высоких гонораров. Для легких проектов взять стажеров, которые готовы впахивать за копейки.

Артур поперхнулся салатом. Такой наглости он не ожидал. До сегодняшнего дня обязанности главного директора выполнял именно он. Именно его я обвинила только что в развале компании. Рахманенко положил вилку, Герман удовлетворенно подмигнул мне, а Артур откинулся на спинку стула и смотрел на меня с нескрываемой ненавистью. Да, мальчики, я сделала домашнее задание, а вы нет. Так что скушайте – не подавитесь.

– Спасибо, Инга, над вашим предложением я могу подумать. А теперь к делу. Продавать акции я не намерен, ищем другие компромиссы.

Рахманенко с трудом сдерживался, чтобы не вспылить. Да, дорогой, я знаю о ваших грязных делишках. Знаю о бракованных стройматериалах, знаю о невыплате налогов, знаю, что последний ваш проект не пропустили из-за грубых ошибок, когда вы пытались экономить и выполнить заказ в сроки. Я все знаю. Герман тем временем поставил бокал и посмотрел на Рахманенко:

– Если сегодня бумаги не будут подписаны – завтра твой «ТрастингСтрой» уйдет с молотка и я все равно его куплю, только ты останешься за бортом, Алексей. Это мое последнее слово и ни дня отсрочки.

Увидев бледное лицо Рахманенко, я поняла, что партия выиграна, и решила пойти припудрить носик, заодно пообщаться с Аленой. Что-то долго она сидит в дамской комнате.

Я чувствовала, что Артур смотрит мне вслед. Кожей чувствовала, каждой клеточкой тела и сейчас он уже потихоньку начинает меня ненавидеть, но я ему нравлюсь. Ох, как нравлюсь. Инга бросила ему вызов, а он откликнулся – как настоящий хищник. Только жертва все же не я.

Отбивая дробь высокими каблуками, я шла по темному коридору в поисках туалета. Заботливый официант указал мне на дверь уборной. Я подошла к зеркалу и улыбнулась своему отражению. Ну что, Чернышев? Твой тесть знает, что ты очень часто прикарманивал его денежки, а не вкладывал в проекты? Он знает, что по твоей вине ему приходится лизать задницы чиновников? Думаю, что нет. Так что тебе стоит со мной дружить, Артур, и думаю, что ты скоро это поймешь.

С кабинки доносись неприятные звуки, кто-то явно расставался с шикарным ужином или обедом. Я брезгливо поморщилась, достала косметичку и в этот момент увидела бледную как смерть Алену. Она, шатаясь, подошла к зеркалу, стала рядом со мной и простонала:

– Проклятый токсикоз, ни секунды покоя, а от запаха сигарет выворачивает наизнанку.

Это был удар под дых. Хороший такой удар – с носка, безжалостный. Я даже задохнулась, у меня все поплыло перед глазами. Алена беременна? Счастливая парочка ждет пополнения? Как мило! Как прекрасно! Наверное другая на моем месте расплылась бы в улыбке и забыла о планах мести. Пожелала влюбленным счастья и благополучия. Только не я. Они ждут ребенка?!

Я пыталась вздохнуть и не могла, все мое тело тряслось от напряжения. Только не сейчас. Господи, только не сейчас. Не в этом туалете и не при ней. Инга, соберись, давай же, не смей расклеиваться!

Наверное, я стала зеленой как мертвец, Алена посмотрела на меня сквозь стекло:

– Ой, у тебя кровь... О боже...

Она бросилась обратно в кабинку, а я поняла, что раздавила флакончик с помадой и пластмассовые осколки порезали мою ладонь. Кровь капала на пол. Медленно, как робот, я подставила руку под струю холодной воды и приступ отступил. Я снова вздохнула полной грудью. Я подумаю об этом потом. Сейчас не время для этих воспоминаний. Не время и не место. Потом, когда я буду плясать на их разрушенных жизнях победный танец, я позволю себе вспоминать и плакать, а сейчас нет слез, нет прошлого. Война началась и спасибо тебе, Алена, за прекрасный стимул. Теперь я могу ненавидеть вас обоих еще больше. Хотя никогда бы не подумала, что это возможно.

8 лет назад

– Васенька, милая, да послушай ты меня старого, ведь не один день на этом свете живу. Не для тебя он – Артур этот. Не говорю, что он плохой, просто не для тебя. Да, красивый, да, ухаживает волшебю, но он с тобой не будет, такие, как он, не женятся на таких, как ты. Тебе учиться надо. Ты поступать в институт должна. Вася... Василиса, ты меня вообще слышишь?

Я его слышала, слышала – но не слушала. Через полчаса за мной должен был приехать Артур. Сегодня мы едем в новый клуб знакомиться с его друзьями. Разве могу я слушать Ивана Владимировича, когда я вся в ожидании. Каждая клеточка моего тела кричит от счастья, ведь я решила, что этот вечер будет особенный и у меня тоже есть подарок для Артура. Особенный подарок. Подарок, в котором я отказывала ему уже несколько месяцев.

– Вася, ты хоть ночевать-то придешь? – тихо спросил Иван Владимирович, и я пожала плечами.

Справиться со мной он не мог. Да и как справишься с подростком, у которого играют гормоны, а на глазах розовые очки? Кроме того, он мне не родитель и

прекрасно понимал, что я уже совершеннолетняя, что хочу – то и ворочу. Я как всегда чмокнула его в щеку и убежала, оставляя после себя легкий запах "Шанель Мадмуазель". Самые первые дорогие духи, которые у меня появились – Артур выбирал.

Завидев мотоцикл Чернышева, я ускорила шаг, бросила взгляд на окно и отвернулась, увидев там силуэт. Иван Владимирович как всегда провожал меня взглядом. Артур сидел на мотоцикле, курил и осматривал меня с ног до головы, потом улыбнулся и подхватил меня на руки, закружил.

– Маленькая, ты красавица у меня, сегодня ты всех там за пояс заткнешь, споешь для меня?

Я кивнула и поцеловала его в губы, легко так, нежно, а он в ответ смял мои губы своими, жадно, по-хозяйски, пробуждая дрожь в моем теле. Неизведанные, темные желания. Прижимая меня к себе все сильнее, так, чтобы я почувствовала, насколько сильно он меня хочет. Краска бросилась мне в лицо, когда я ощутила твердую выпуклость у него в паху. Артур не скрывал, что желает меня как женщину и он знал, что я девственница. Он не давил, не требовал. Я прекрасно понимала, что рано или поздно это случится, и я хотела, чтобы моим первым мужчиной был он.

Я выпила для храбрости, впервые позволила себе спиртное. После жалкого примера у меня дома к алкогольным напиткам я относилась плохо. Точнее, я просто считала их ядом. Но сегодня не удержалась. Для храбрости. Артур заказал мне шампанское, но я осмелела и потребовала рюмочку водки. Наверное, все же мне бы хватило и шампанского. После водки я почувствовала себя слишком хорошо, я летала, излучала энергию счастливой влюбленной девчонки, которой подарили всю вселенную. Артур смотрел на меня как нашкодившего котенка и иногда подсмеивался. Не злобно. Он всегда относился ко мне с грубоватой нежностью. В нем присутствовал тот огонь, эта сила, которую так любят женщины, даже такие юные как я. Я потянулась к его пачке сигарет, но он резко накрыл мою руку своей:

– Нет. Курить ты не будешь.

Беспрекословно и бесповоротно. Раз сказал – значит, не буду. А потом вечер испортился, приехали его друзья с девицами, которых явно на одну было больше, чем положено. Меня всерьез не принял никто. Так, сухо поздоровались и принялись разговаривать с Артуром. Девушка, которая села возле Чернышева, дерзко поздоровалась с ним поцелуем в губы. Меня передернуло, я нутром почувствовала, что этих двоих связывали далеко не дружеские отношения. Правда, Артур повел себя красиво, он остудил пыл красотки, представив меня как свою девушку. На меня тут же посмотрели по-другому, с интересом. Завистью и долей презрения. Я отличалась от них, несмотря на дорогие и модные шмотки. Я была не из их гламурного мирка. Эдакий гадкий утенок, имевший наглость отхватить одного из самых красивых парней. Та, которая поцеловала Артура, сморщила носик:

– Ты шутишь? Это твоя девушка?

Она посмотрела на меня как на мерзкое насекомое. Я было открыла рот, но за меня высказался Артур.

– Лиза, если тебя что-то смущает – двери вон там.

Девушка пожала плечами:

– А что я такого сказала? Просто интересно, а Алена об этом знает?

Артур смерил Лизу таким взглядом, что мне показалось – он ее сейчас ударит.

– Алена в прошлом, мы расстались, и я не считаю уместным обсуждать это с тобой. Уж тем более именно с тобой. Помнится, тебя не сильно волновала твоя подружка в тот последний раз, когда мы встречались.

Лиза закурила и обиженно надула губки. Кажется, я начинала соображать. Эта девка – подруга какой-то Алены, с которой раньше встречался Артур. Что ж, это было до меня, и я не должна волноваться, гораздо больше меня бесила именно Лиза, которая делала вид, что меня просто не существует, а вместе с ней и ее подружки. Когда в порыве беседы та нагло уселась к Артуру на колени, я плеснула ей в лицо шампанское и под всеобщие вопли остальных девиц и отборный мат Лизы выбежала на улицу. Артур догнал меня возле троллейбусной остановки, схватил за руку, резко развернул к себе и поцеловал. Я вырвалась, но

он лишь крепче сжал мои плечи, заставил посмотреть себе в глаза.

– Маленькая, никогда больше не убегай от меня, слышишь? Я не люблю, когда от меня убегают.

– Обратно не пойду, – заявила я, и все же вырвалась из его рук. Артур снова привлек меня к себе, долго смотрел мне в глаза, а потом коротко бросил:

– Поехали отсюда.

От его хриплого голоса меня бросило в дрожь. Артур взял меня за руку и потянул к мотоциклу.

Впервые он привез меня к себе домой. Я с любопытством рассматривала его холостяцкое жилище. Идеальная чистота, даже странно. Я представляла себе квартиру парня, который живет один, совсем иначе. Потом я узнала, что это вовсе и не его дом, а съемное жилье, но тогда я была счастлива. Попала в святая святых, в дом моего любимого. Я считала, что мне оказана великая честь. Артур не дал мне опомниться, он прижал меня к двери и снова жадно поцеловал. Я поняла, что ЭТО произойдет именно сегодня, здесь, в этой квартире – и мне стало страшно. Артур почувствовал мое настроение, слегка отстранился и очень серьезно произнес:

– Здесь не произойдет ничего, чего бы ты сама не захотела. Ты можешь остановить меня в любой секунду, когда сочтешь нужным.

Я не ответила, сама нашла его губы и отдалась во власть его рук. Его нежных и страстных рук. Он целовал меня долго, так долго, что у меня уже подкашивались ноги и кружилась голова. Глядя мне в глаза, Артур расстегнул мое платье на груди, спустил его с плеч. Я увидела, как он судорожно глотнул воздух, сжал челюсти. Еще никогда я не раздевалась перед мужчиной, мои щеки залила краска стыда, но я не смела пошевелиться. Артур провел кончиками пальцев по моим ключицам, по груди, и дотронулся до сосков. Я дернулась в неосознанном порыве оттолкнуть его руки, прикрыться, но он наклонился и нежно лизнул мой сосок, пробуя его на вкус, пробуждая в моем теле неведомый пожар. Я тихо застонала, когда почувствовала, как он втягивает напряженную вершинку в рот, обводит языком, не торопясь, растягивая каждое мгновение.

Внизу живота заныло, тепло расползлось все ниже, сосредоточившись между ног, причиняя почти физическую боль. Я не понимала, что со мной происходит, я горела в огне. Я хотела, чтобы это никогда не кончалось, и в тот же момент желала развязки.

Артур оторвался от моей груди и осторожно дунул на влажные, истерзанные его ртом вершинки, по моему телу растеклась сладкая дрожь, а соски напряглись еще сильнее. Он снова посмотрел мне в глаза, и я испугалась этого взгляда. Темного, безумного, страстного взгляда. Артур сбросил мое платье, стянул с меня трусики. Я зажмурилась от стыда:

– Открой глаза, посмотри, как я тебя ласкаю. Открой, ты не должна меня бояться.

Я несмело посмотрела на него и почувствовала, как его ладонь легла мне на живот, потом опустилась ниже, когда его пальцы скользнули к заветному треугольнику, я накрыла его руку своей и снова зажмурилась.

Артур тяжело дышал, словно пробежал стометровку, я чувствовала, как он весь напрягся, словно гранит, как окаменели все его мышцы. И я расслабилась, позволила его пальцам скользнуть между моих ног.

– О господи, какая же ты влажная.

Тогда я еще не знала, что это означало, влажная. Ведь там всегда влажно, или он имеет в виду другое. В этот момент его пальцы уверенно отыскивали мой клитор. Я закусила губу, не давая стону вырваться на волю.

– Не молчи, не нужно сдерживаться, кроме меня тебя никто не слышит. Давай, маленькая, я хочу тебя слышать, давай же, не бойся.

Я застонала, впервые в жизни чувствуя, что такое настоящее вожделение, настоящие ласки. К тому времени я уже достаточно изучила свое тело. Да и книг прочитано мною было не мало. Только прикосновения его пальцев острее и приятнее моих собственных. Я вцепилась руками ему в плечи, опасаясь упасть, мои колени подгибались, дыхания катастрофически не хватало. Издалека нарастало нечто мощное, странное, порабащающее. Я начала сопротивляться, когда его он проскользнул вовнутрь, растягивая меня, подготавливая к

вторжению. Я уже не сомневалась в том, что сегодня стану его женщиной. Его губы все еще терзали мои соски, пальцы быстро двигались внутри моего тела, и я уже не стонала, я вскрикивала, я забыла про стыд. Мне было хорошо, не просто хорошо, я сходила с ума, я чувствовала, что за нарастающим возбуждением последует оргазм. Но никогда не предполагала, что именно это значит. Артур поднял меня на руки и отнес на диван. Раздвинул мне ноги и продолжил ласкать руками, теперь он уже погрузил в меня два пальца, и я чувствовала наполненность, разрывающую меня на мелкие осколки. Он сознательно вел меня к наслаждению, и когда оно наконец-то затопило меня всю, я закричала от неожиданности, все мое тело пронзило током, с головы до ног. Я подалась навстречу его пальцам, приподнялась на постели, судорожно стягивая покрывало дрожащими руками.

– Вот так, маленькая, да, кричи, не стесняйся.

Его хриплый голос доходил до моего сознания издалека, я словно погрузилась в горячий кокон, тело еще содрогалось, покрылось потом. Я чувствовала, как мышцы моего лона обхватывают его пальцы, судорожно сжимаясь и разжимаясь. Артур расстегнул джинсы, ловко достал из кармана презерватив, разорвал упаковку зубами. Потом он навис надо мной.

– Ты можешь остановить меня прямо сейчас, – прошептал мне в ухо, но я обхватила его руками за сильную шею и потянула на себя. Остановиться? Ни за что.

Он погружался в мое тело осторожно, приспосабливаясь ко мне, растягивая меня изнутри. Он думал, что я боюсь. Нет, я уже ничего не боялась, я его хотела, хотела до безумия. Когда он замер в очередной раз, я притянула его к себе за ягодицы, побуждая проникнуть еще глубже, и тут же закусила губу от внезапной боли. Артур снова остановился, нашел мои губы, нежно обвел их языком, успокаивая, давая мне расслабиться, привыкнуть к нему внутри себя. Но мне хотелось познать его всего, мне хотелось большего, мне не нужна была его нежность, и я обхватила его торс коленями, приподнимая бедра, давая проникнуть на всю глубину. Теперь уже застонал он, и я почувствовала триумф, двинулась ему навстречу еще, и еще. Артур хрипло стонал мне в ухо, все сильнее сжимая мои бедра, его движения стали резкими, рваными. Я чувствовала, как его член внутри меня становится все тверже, начала двигаться под ним, подстраиваясь под ритм, царапая его спину ногтями.

– Какая ты горячая, тугая, отзывчивая... Замри, не шевелись... не двигайся.

Но я уловила в его голосе перемену, Артур дрожал, он был невероятно возбужден. Инстинктивно я не послушалась, подалась вперед, раскачиваясь под ним. Он с такой силой сжал мою талию, что я вскрикнула, и в этот момент мужчина вздрогнул всем телом, громко застонал, я прижалась к нему сильнее, прислушиваясь к его шумному дыханию, к бешеному биению его сердца. Оказывается, чувствовать свою власть над ним еще приятней, чем погружаться в пучину экстаза от его ласк.

Мы уснули на этом диване, впервые я спала с мужчиной, с моим мужчиной. В ту ночь Артур не просто лишил меня девственности, он разбудил во мне пожар, я оказалась жадной до удовольствий. Теперь я знала, что могут дарить мужские ласки. Мне понравилось чувствовать его в себе. Мы занимались сексом как ненормальные, везде и всюду. Он брал меня жадно неумолимо, он превратил мои ночи в горячие часы неистовых ласк и жарких стонов, он учил меня любви. Я оказалась опытной ученицей, я схватывала все налету. Он давал, а я возвращала сторицей. Я любила его, для меня не существовало запретов. Артур называл меня ненасытной маленькой кошкой, своей кошкой. Мы проводили в его квартире ночи напролет, а потом он мчался на работу, а я ждала его дома. У нас дома. Я вообще не представляла, что можно быть настолько счастливой. Я жила в своей сказке ровно два месяца. День в день. Иван Владимирович видел меня все реже, я забегала, чтобы принести продуктов, чмокнуть его в щеку и умчаться с Артуром в клуб. По вечерам я по-прежнему пела. Всегда только для него. Артур заказывал самый ближний к сцене столик и смотрел, как я двигаюсь на сцене, а меня заводил его взгляд. Возбуждал до невозможности, сводил с ума. Я ждала, когда закончится этот вечер, и он снова накроет меня своим сильным телом, будет сводить меня с ума ласками.

В этот вечер он не пришел. Я смотрела на пустующий столик и незаметно начинала паниковать. Звонила ему на каждом перерыве, но его сотовый был закрыт. В конце концов я просто сбежала с работы. Поймала такси и поехала домой, к нам домой. Артура дома не оказалось. Я прождала его до утра, не смыкая глаз, я обзвонила его друзей и слышала насмешливые голоса и предложения приехать ко мне вместо него. Меня должны были насторожить их пошлые намеки, я должна была понять, что если они ко мне так относятся, значит, на то есть причины. Но тогда я этого не замечала, я все пропускала мимо ушей. Анализировала я уже позже, спустя годы. В то утро я обзвонила морги и

больницы. Ближе к полудню я походила на живого мертвеца и чуть сознание не потеряла от радости, когда он вернулся. Как ни в чем ни бывало, мужчина сгреб меня в охапку, поцеловал в нос и спросил что у нас на обед. Я разозлилась. Артур был пьян, точнее он уже протрезвел, но чувствовалось, что ночь он провел бурную. От него разило спиртным и духами. Женскими духами. У меня потемнело в глазах. Я даже не заметила, что он зол, не заметила круги у него под глазами и сухой, холодный блеск в его зрачках. Я вспоминала об этом потом, когда у меня появилось время обдумать каждый его шаг и жест.

– Где ты был?

Вопрос прозвучал как насмешка. Извечный вопрос, на который мужчины так не любят отвечать.

– Только не начинай, маленькая, хорошо? Не нужно уподобляться скучным любовницам, ты ведь у меня не такая. Ну же? покорми меня, я проголодался.

Любовницам? Так вот кто я для него? Очередная любовница?

– Я просто спросила, где ты был и думаю, что имею право знать.

Он разозлился, на его скулах заиграли желваки и посмотрев на меня жестко спросил:

– Имеешь право? Ты? С чего ты это взяла? Потому что я тебя трахаю?

Я не поняла, как это произошло, но я его ударила. Моя ладонь запылала, начала зудеть. Артур медленно поднялся со стула, а потом дал мне сдачи. Я вскрикнула, скорее от неожиданности, чем от боли. Голова метнулась к плечу, волосы упали мне на лицо.

– Никогда. Не смей. Поднимать на меня руку! Поняла?

Я все поняла, развернулась, пошла к себе в комнату, быстро оделась. Я еще не плакала, внутри меня словно произошел щелчок. Я должна была уйти, сейчас, немедленно. Артур зашел в спальню, захлопнул за собой дверь и прислонился к ней спиной, скрестил сильные руки на груди и, прищурившись, за мной

наблюдал.

– Куда? В свой гадюшник?

Я не ответила, демонстративно его игнорируя, попыталась дернуть ручку двери, но он оттолкнул меня:

– Я спрашиваю – куда собралась?

– Подальше от тебя, – процедила я, и с ненавистью на него посмотрела. Я была в шоке. Наверно поэтому со мной не случилась истерика, а еще, я привыкла к побоям с детства, и он меня не испугал. Обидел, оскорбил, но не испугал. Просто сейчас я еще не осознавала, что только что произошло. Как мой нежный и ласковый принц вдруг превратился в жестокого тирана.

– Раздевайся – уйдешь, в чем пришла. Где твои потасканные шмотки?

Он схватил меня за руку чуть повыше локтя:

– Я спросил, где твои шмотки? Где те тряпки, в которых ты ходила раньше? На помойке? Раздевайся наголо и вали, в чем мать родила.

Да пожалуйста. Я стянула с себя платье через голову, швырнула ему в лицо, осталась в лифчике и трусиках.

– Это тоже снимай.

Я стянула лифчик, нервно спустила трусики и с вызовом на него посмотрела. Его зрачки сузились, лицо побледнело, он двинулся на меня. Я попятилась назад, наткнулась на спинку кровати. Неожиданно для себя я поняла, что хочу его. От этого взгляда, тяжелого, исподлобья у меня по телу пробежала дрожь. Я не помню, как оказалась в его объятиях, он целовал меня неистово, грубо, проникая языком в мой рот, подавляя мое сопротивление. Я царапалась как дикая кошка, норовя выдрать ему глаза. Артур резко развернул меня спиной к себе, и я схватилась за спинку кровати, чтобы не упасть.

– Уйдешь, когда я разрешу, – сказал он и проник в мое тело на всю глубину, я изогнулась ему навстречу, чувствуя, как он толкается членом прямо в матку. Злость подстегнула мое желание, я чувствовала его толчки с утроенной силой. Каждый нерв на моем теле вибрировал. Нас обоих невероятно возбудила первая ссора. Я кричала, стонала, закусив губами свое запястье, а он, намотав мои волосы на руку, давил на мою поясницу, заставляя прогнуться и принять его еще глубже. Его пальцы теребили мой клитор, сжимали мои соски, он рычал мне в затылок, покусывал мою шею. Оргазм был невероятным, он смел и подгрел под собой все остатки разума вместе с обидой и злостью.

Чуть позже Артур покрывал поцелуями мое лицо, прижимал меня к себе, баюкал как ребенка. Он не извинился, а я уже простила. Тогда я впервые его простила, а потом это стало повторяться все чаще и чаще. Нет, он больше меня не бил, но урок я запомнила хорошо. Мы ссорились, кричали друг на друга, но больше я не смела его ударить. Именно с этого дня он начал позволять себе не приходить домой по ночам, и не давать мне по этому поводу объяснений. Пока не исчез на целый месяц.

* * *

Я потрянула головой, стараясь избавиться от воспоминаний. В залу ресторана я все еще не вернулась. Стояла в темном коридоре и курила. Мимо меня проходили люди, никто не обращал на меня внимания. Я глубоко вздохнула, затушила сигарету о стену.

– Как поживает ваша "тойота"?

От неожиданности я вздрогнула. Артур стоял позади меня и улыбался. Нет, ну почему именно сейчас? Когда видеть его не просто невыносимо, а сродни маленькой смерти? Почему именно тогда, когда я позволила себе вспомнить?

– Так же как и ваша «ауди», – парировала я и попыталась пройти мимо него. Артур резко уперся в стену рукой, загораживая дорогу.

– Авария была настоящей или хотела познакомиться?

Он прищурился, изучая меня пристальным взглядом, а я слишком нервничала, чтобы оставаться спокойной.

– Не велика ли честь? Ради знакомства с исполняющим обязанности гендиректора? Похоже у вас мания величия. Дайте пройти.

Теперь он опирался на две руки, а я находилась между ними. Мне не нравилась его близость, она меня нервировала.

– Давай начистоту. Что тебе нужно, а? Зачем тебе компания? Разве такие как ты не должны постоянно позировать перед телекамерами и отвечать на звонки журналистов, раздавать автографы? Ну зачем тебе головная боль?

Я фыркнула и попыталась улизнуть, но Артур не дал мне сдвинуться с места.

– Давай договоримся, ты скажешь своему папику, что передумала, а я приглашу тебя в шикарную гостиницу и отблагодарю.

Я засмеялась ему в лицо, громко, заливисто. Он даже побледнел от злости.

– И что ты мне хочешь предложить, а? Мистер неотразимость! То, что у тебя в трусах? Я не думаю, что ты сможешь меня удивить или обрадовать.

– Ну не думаю, что пятидесятилетний старикан может удовлетворять такую горячую штучку как ты.

Я снова рассмеялась:

– Ты предлагаешь меня удовлетворить? Нет, ты правда думаешь, что твой член стоит дороже акций «ТрастингСтроя»? Мальчик, проснись, я таких как ты могу себе пачками купить. При том помоложе, да пошустрее, да покрасивее.

Теперь он сжал челюсти с такой силой, что я слышала, как скрипят его зубы. Это то, что я хотела. Он в бешенстве и сейчас начнет терять над собой контроль.

– Я превращу каждый твой день в компании в ад, ты ведь не думаешь, что я пущу тебя в свой кабинет и позволю собой командовать.

– В мой кабинет. Запомни, говорю по слогам – в мой ка-би-нет. Завтра освободи его для меня прямо с утра, договорились? И табличку с твоим именем не забудь снять. Я уже заказала себе новую. Кстати, шовинизм уже не в моде, а от головной боли у меня есть заранее прикупленное в аптеке лекарство.

Глава 4

Артур проводил Ингу взглядом полным бешенства.

"Когда я получу эту суку, я затрахую ее до смерти".

Силуэт Инги в ярко красном легком платье маячил перед ним как тряпка перед разъяренным быком. Ее бедра покачивались плавно, каждый шаг – шедевр искусства, не торопится, идет с прямой спиной, длинные волосы, собранные в хвост на затылке, касаются упругих ягодиц. Такое впечатление, что под ними нет нижнего белья. Артур почувствовал, как у него ноет в паху уже в который раз за этот проклятый вечер. Ладони вспотели, пульс бьется в висках как колокол. Он усмехнулся и ударил ладонью по стене, где только что стояла Инга.

"Стерва! Но какая стерва! Один взгляд чего стоит. Ведьма. Глаза как озера, а на дне трясина – затянет, не выберешься".

Давно у него не было такого всплеска адреналина. Обвинила его в развале компании. Хотя в чем-то она и права – только Рахманенко прекрасно обо всем знал, Артур никогда ничего не скрывал от тестя в делах бизнеса. Его личная ненависть к Алексею Андреевичу не имела с компанией ничего общего. Артур вообще считал, что «ТрастингСтрой» принадлежит ему по праву. Только эта внезапно появившаяся красивая дрянь портила всю картину. Впрочем, Артур собирался уложить ее в постель рано или поздно. Ко всем есть свой подход, слабое место и у этой тоже есть, только нужно его найти. Кто она там? Певица? Нужно нарыть о ней информацию, узнать, чем дышит, что любит, что ест на завтрак и с кем спит, кроме своего папика.

Почему-то мысль о том, что у Инги могут быть любовники Артуру не понравилась. Даже то, что она жила с Германом немного раздражало. Нужно позвонить Яценко и попросить разнюхать об этой красавице все. Информация о противнике никогда не помешает. Просто нужно нажать на правильную кнопку, и Инга раскроется перед ним. Вот поисками этой самой кнопки займется Яценко. Недаром Артур этого мента уже лет пять "прикармливал".

Чернышев вернулся в залу. За столом было явно весело и без него. Рахманенко беседовал с Новицким, притом довольно мирно, а вот Алена хихикала с Ингой. Мило так шушукалась. Артура покорило.

"Умная дрянь. Хочет втереться к моей в доверие. Неплохой ход. У них, у баб, этих всегда легко получается – найти общий язык. С Аленой особо стараться не надо, можно заговорить о шмотках, сплетнях и она уже считает тебя лучшим другом. Пора уводить ее отсюда, пока не сболтнула лишнего".

Артур подошел к столику, попрощался с Германом и тестем. Алена начала канючить, чем взбесила его еще больше.

– Я сказал, поехали. Устал я. Все, забирай свою сумочку и пошли.

Алена состроила несчастную гримасу, схватила мужа за рукав:

– Милый, я еще не доела свое горячее и Инга...

– Я сказал, поехали! – рявкнул Артур, и Рахманенко смерил его гневным взглядом, но и слова в защиту дочери не сказал. Алена засуетилась, виновато улыбнулась Инге. Артур попрощался с Новицким, пожелал удачи Инге, не преминув смерить ее презрительным взглядом.

Он шел быстро, совершенно не обращая внимания на едва поспевающую за ним Алену.

– Артур, а мы тут с Ингой...

– Алена, ты можешь помолчать хоть минуту?

Она казалось, его не слышала:

– Так вот, мы договорились завтра вместе...

– Заткнись! Просто заткнись и садись в машину!

Артур резко распахнул перед женой дверцу «ауди», и та села на переднее сиденье. По щекам катились слезы. Артур тяжело вздохнул, стиснул челюсти. Уколов совести не было уже давно, жалость иногда появлялась, но ненадолго. Он завел двигатель и рванул с места.

– Ты кричишь на меня... Даже несмотря, что я беременная, ты не уделяешь мне внимание, ты...

Чернышев резко затормозил и посмотрел на жену:

– Алена, ты должна была об этом думать, когда выходила за меня замуж. Нет, я неправильно выразился – когда ты женила меня на себе, ты знала какой я, и меняться я не собираюсь, а уж тем более ради тебя.

Алена вытерла слезы ладонью:

– Но я люблю тебя, ты же знаешь, как сильно я тебя люблю. Все эти годы... Неужели я не заслужила хоть капельку внимания...

– А я тебя нет! Алена, я тебя не люблю и никогда не любил. Никогда ничего не обещал. То, что твоему папочке и тебе удалось меня захомутать и, то, как вы это сделали, я тоже не забыл. А теперь просто помолчи и терпи. Ты хотела стать Еленой Чернышевой – ты ею стала, и ребенок твой будет носить мою фамилию. Все в жизни заладилось, Леночка, все прекрасно и так, как ты хотела.

Алена закрыла лицо руками:

– Наш ребенок, Артур.

– Нет, милая, твой. Ты когда беременеть собиралась, со мной посоветовалась? Ты спросила, хочу ли я стать отцом? Ты просто, наверняка, перестала пить свои проклятые таблетки и, упс... забыла меня поставить об этом в известность. Правде ведь? Ну, скажи мне, что я ошибаюсь.

Артур снова тронулся с места, закурил.

– Конечно правда. Еще один способ привязать неугомонного мужа. Не волнуйся, милая, никуда я не денусь. Мы теперь с тобой одной ниточкой повязаны, одно дерьмо уже восемь лет хлебаем. Так что могла и не беременеть, а вообще мне все равно: хочешь рожать – рожай. Только любви от меня и радости особой не жди.

– Я сделаю аборт, – крикнула Алена, размазывая слезы по щекам.

– Аборт? Сделаешь аборт, никогда меня больше не увидишь и плевать я хотел на твоего папочку. Никаких абортов. Слово это слышать не желаю. Залететь ума хватило? Теперь будешь рожать. Все, разговор окончен. И чтоб с этой... как ее там... Ингой, я тебя больше рядом не видел.

8 лет назад

Артур

Музыка разливалась по салону автомобиля, и Артур с наслаждением слушал голос певицы. Дворники быстро слизывали с лобового стекла крупные капли дождя. Его малышка поет, и как поет. Правда, запись любительская, но потенциал то ведь есть. Несомненно, она талантлива. Василиса Прекрасная. Вот насобирает он денег за лето, когда работа прет, да попытается ее раскрутить. Благо связи есть. Один из знакомых на звукозаписи работает. Ваську можно в группу какую-нибудь пристроить, маститым продюсерам показать. Только вначале заработать, да побольше, чтоб маленькая ни в чем не нуждалась. При мысли о Василисе по телу пробежала приятная дрожь. Его девочка. И когда только успела так к себе привязать? Неприметная, худенькая, про таких говорят – мышь серая, а вот зацепила, да как зацепила. Увидел ее там, на старой сцене

Генкиного гадюшника и все, глаз отвести не мог. И дело не во внешности, а в ее беззащитности, в ее искренности. Он за свои двадцать два года женщин разных успел повидать. Фальшь за версту чуял, а тут цветочек в куче навоза. А глаза у нее какие – кристальная чистота, всю душу в этих глазах видно. Не сравнить с Аленой. Корчила из себя девственницу, а сама с его приятелями зажигала, правда до него, но ведь все равно товар порченный. Да и кому понравится, когда друзья анатомию твоей подруги знают не хуже чем ты. Не любил он Алену. Нравилась первое время – красивая такая куколка, но куколка и ничего больше: обертка красивая, а внутри пусто. Правда папаша маститый такой, с бабками, строительным бизнесом заправляет, крутая семейка. Да нахрен ему, Чернышеву, такое родство? Деньги он и сам горазд заработать. Скоро с ребятами свою фирму по охране откроют и начнут денежки капать. Потом можно свою квартиру купить и с Васькой туда переехать. Васька... Ждет его, наверное, в том золотистом платице, что он ей купил со вчерашней выручки. Последнее время у него удачно складывалось с финансами. Левые заработки приносили немалый доход, а Артур любил жить на широкую ногу и ни в чем себе не отказывать, а еще он любил баловать Ваську. Видеть, как она прыгает от восторга и по-детски хлопает в ладоши, радуясь каждой обновке. Соскучился он по ней, уже целый день об этой бестии думал. Утром голую, сонную в постели на прощанье поцеловал, и целый день в паху ныло. Ну вот что в этой девчонке такого? А ведь заводит с пол-оборота. Посмотрит глазищами – и все мысли спускаются ниже пояса. Артур представил себе, как утащит ее на лестницу, порвет ее шелковые трусики и будет врезаться в ее тело до изнеможения. Он в предвкушении прикрыл глаза.

В этот момент раздался удар, машину резко развернуло на скользкой трассе и занесло в кювет. Спасли кусты терновника, густо разросшиеся над дорогой. Артур ощупал себя, убеждаясь, что он цел и невредим, слегка ударился головой об руль, но в целом он в порядке. Лобовое стекло полностью разбито. Все произошло слишком стремительно, Артур даже не понял как. Он выскочил из машины, бросился на дорогу, не обращая внимания на проливной дождь, а там мужчина. Мертвый мужчина. Внутренности по асфальту растеклись, утопает в луже крови. Наверняка Артур протащил несчастного за машиной, когда ту занесло.

"Я его убил! Я убил человека! Переехал насмерть! Вот дерьмо!"

В обезьяннике царил хаос, кто-то выл от страшной ломки и требовал дозу, проститутки громко смеялись и обменивались пошлыми анекдотами. Пару алкоголиков спали на полу, завернувшись в порванные куртки. Артур сидел в углу, закрыв лицо руками. Он постоянно видел перед собой глаза мертвого мужчины, пустые стеклянные глаза. Вот он, облик смерти: страшный, уродливый, но до боли реальный. Артур понимал, что адвокат нужен хороший – так просто из этого дерьма не выбраться. При самом лучшем раскладе ему светит года три, и то – если докажут его невиновность.

"Черт, а Ваське не позвонил, она там с ума сходит. Пашка приедет, попрошу его заскочить в клуб и забрать ее домой".

Но вместо Пашки приехал Рахманенко. Неожданное явление в этом тухлом местечке. Посмотрел на Артура своими белесыми глазами и увел опера в кабинет. Артура освободили через час на поруки Рахманенко и его адвоката, низенького лысоватого типа. Потом, спустя время, Артур узнал, что адвокат никто иной, как Юрий Вирецкий, у такого один прием стоит целую зарплату Артура, а она у него немаленькая. Рахманенко молчал всю дорогу, пока адвокат выпрашивал у Артура подробности аварии. Дотошно так выпрашивал, каждую деталь записывал и уточнял по несколько раз. Артуру стало известно, что пострадавший скончался на месте от полученных травм, но есть подозрение, что скорей всего тот мужчина был пьян, но это станет известно только через несколько дней. Пока что Чернышев под домашним арестом. Рахманенко подвез адвоката домой, а потом заговорил с Артуром. Заговорил свысока – как будто Чернышев и не человек вовсе, а так – пешка, назойливое насекомое.

– Вляпался ты конкретно, дружок. И скажу сразу – мне тебя не жаль. Вот отсидел бы пару годков, вся спесь с тебя бы сошла, но моя Аленка любит тебя. Хоть убей, не знаю за что, но любит. Это она мне позвонила вся в слезах: "Освободи его папа!"

Артур угрюмо молчал. С отцом Алены ему доводилось общаться только один раз. Особой химии не произошло, они изначально друг другу не понравились. А потом Артур бросил Алену и забыл и об ее папочке и о ней.

– А я вот думаю, сядешь ты, и забудет она тебя как страшный сон. Что скажешь Чернышев? Отсидеть хочешь?

– Если надо будет – отсижу.

– Э, храбрый какой выискался. Ты кем потом выйдешь? Думаешь, на нарах валяться – это санаторий? Там тебе зубы быстро повыбивают и серьги с ушей повыдергивают, а вообще там таких, как ты, очень любят.

Артур понимал, что Рахманенко пытается его запугать, унижить и не просто так.

– Я за тебя круглую сумму выложил и выложу еще немало. Как возвращать будешь?

Артур пожал плечами:

– Да я вас и не просил, можете вернуть меня обратно.

Рахманенко остановил машину у обочины:

– Значит так, Чернышев. Ты вот прямо сейчас забудь про свой гонор, потому что обратно я верну тебе очень быстро, а еще могу не просто вернуть, но и глухарей на тебя столько спишут, что сидеть будешь пожизненно. Так что заткнись и слушай, как долг возвращать будешь.

Артур понимал, что такой человек, как Рахманенко слов на ветер бросать не станет и его угрозы – не простые слова. Только Артуру все больше казалось, что он понимает, к чему клонит отец Алены.

– Я тут на досуге справки о тебе навел и скажу: удивил ты меня, Артур, ох как удивил, и не в плохом смысле этого слова. Для такого желторотого юнца ты очень даже цепкий и хваткий. Так что мне такой бы в команде не помешал. Значит так – тянуть резину не буду. Я человек деловой и люблю сразу карты на стол. У меня они в этот раз все козырные. Ты женишься на моей Алене и получишь долю в компании. Не сразу, конечно, но получишь. Только не торопись бить себя в грудь и кричать о том, что любишь свободу. Я предлагаю тебе подумать. Сейчас ты можешь валить домой и разбираться со своей личной жизнью. Только времени у тебя, Артурик, очень мало. Так что ты своей "личной жизни" скажи «прости-прощай» и позвони мне. С Аленой встретишься завтра. купишь букет цветов и скажешь, что хочешь к ней вернуться, а то мне надоело

слезы ей вытирать. Она у меня дочь единственная и очень любимая. Я не привык ей в чем-то отказывать.

Артур слушал молча. Закурил, приоткрыв окно.

– То, что вы мне предлагаете, называется – шантаж. Я вашу дочь не люблю, и как вы думаете, мы будем жить вместе, если она мне вусмерть надоела еще несколько месяцев назад? Вы мужчина, как и я, неужели вы не понимаете, что я превращу ее жизнь в ад.

Рахманенко обернулся к Артуру и нахмурил брови:

– Она покончить с собой хотела, сопляк. Из-за тебя. Неделю назад я мечтал тебя найти и оторвать тебе яйца. Только она не позволила. Так что ты на ней женишься. Какой будет ваша жизнь, не знаю, но я не хочу больше видеть свою дочь в таком состоянии.

Артур усмехнулся – Алена любила выкидывать подобные фортели и ему: то на подоконник влезет, то таблеток наглотается, только с Артуром такие номера не проходили, а вот с отцом наверняка – да.

– У меня может планы на будущее есть, я с девушкой живу, я может жениться хотел.

– С девушкой своей расстанешься. Можешь ей денег дать. Скажи сколько, я тебе наличные выделю. А то ведь и я могу с ней разобраться уже по-своему. Мне единственная дочь дороже твоей очередной пассии. Так что решать тебе, Чернышев. Даю месяц. Через месяц либо под венец, либо на нары. Все. Пошел вон из моей машины.

Артур быстро открыл дверцу и вдруг обернулся:

– Вы Ваську не трогайте, я с ней сам разберусь. С Аленой встречусь завтра, как вы велели. Только одно я вам скажу, Алексей Андреевич, не будет ваша Алена со мной счастлива, вы еще не раз пожалеете, что заставили меня на ней жениться.

– Это мы посмотрим, время покажет. Сопливый ты еще мне указывать да жизни учить. Как деньги большие унюхаешь и Алену полюбишь и жизнь свою новую.

Глава 5

Утро выдалось довольно солнечное, душное. Я шла по знакомым улицам, которые успели измениться вдоль разросшихся магазинов и думала о том, как же я все-таки ненавидела этот город. Хотя я бывала здесь как минимум раз в год. Проводывала Ивана Владимировича и еще одно место, куда шла, куда рвалась всей душой, где бы я ни была. Я остановилась возле магазина детских игрушек, потопталась у входа и решительно вошла. Молча проходила возле рядов с аккуратно сложенными игрушками, школьными принадлежностями. Ко мне подошла продавщица, но когда увидела мой взгляд, тут же ретировалась. Один раз в году ко мне нельзя было подходить, со мной нельзя было разговаривать, на меня нельзя было смотреть. Я выбирала долго. Даже не знаю, сколько времени провела возле прилавков. Когда подошла к кассе, в моей тележке лежал новенький рюкзачок с Винни Пухом на переднем кармане, большая полицейская машинка и вислоухий огромный белый заяц. Именно о таком зайце я мечтала в детстве.

– Вам завернуть на подарок или так заберете?

– Не заворачивайте, просто скажите сколько.

Но она не унималась:

– А у нас новые модели рюкзаков появились с трансформерами. Вы ведь для мальчика подарок выбрали? Для братика, наверное? Вы такая молоденькая.

– Для сына, – отрезала я, – мне с Винни Пухом больше нравится.

Продавщица обиженно дала мне сдачу и проводила недовольным взглядом, я чувствовала его спиной. Взгляд, полный презрения и зависти, а еще непонимания.

Припарковав машину на совершенно пустой стоянке, я тяжело вздохнула, достала пакеты с игрушками и ступила на раскаленный асфальт. Как странно, не смотря на жару, именно здесь всегда было прохладно, чирикали птицы и царила тишина. Я зашла за массивные ворота и пошла по узеньким, посыпанным песком тропинкам. Я могла здесь идти с закрытыми глазами, я могла бы ползти к этому месту в предсмертной агонии и никогда бы не ошиблась.

– Василиса? Ты ли это?

Я быстро обернулась и заметила сторожа в неизменной потрепанной куртке, залатанных спортивных штанах. С годами он не менялся. Удивительно, как человек мог сохранять все тот же потасканный облик и оставаться мужчиной без возраста.

– Николай Федорович? Признали?

Сторож улыбнулся щербатым ртом, на меня пахло перегаром, но я даже не заметила. Пожала перепачканную землей руку.

– Как же не признать. Конечно, признал. Кормилица вы моя. Я все сделал, как вы велели, цветочки посадил, землиčky присыпал. Убирался каждую неделю.

Он ждал награды, несмотря на то, что я ежемесячно присылала ему деньги. Но мне было не жалко, я бы присылала их ему каждый день, если бы могла. Порывшись в кошельке, я протянула ему несколько купюр. Сторож снова улыбнулся, сунул деньги в карман куртки. Сегодня у него пир, напьется до беспамьтства и будет спать в своей каморке.

– Ну, ступайте, не буду вам мешать. Вы теперь наверно не скоро приедете.

– Я буду здесь бывать намного чаще, я вернулась в город.

Лицо Николая вытянулось, он был разочарован. Для него это означало конец прибыли, конец добавки к его крошечной зарплате.

– Не волнуйтесь, я свои выплаты продолжу, как и раньше, чтобы по-прежнему присматривали за ним.

Когда шаги хромого сторожа стихли позади меня, я толкнула выкрашенную в серебристый цвет калитку и почувствовала радость и боль одновременно.

– Ну, вот и мама вернулась, родной. Ты скучал? С днем рождения тебя, мой маленький, мама подарки принесла. Все как ты хотел. Надеюсь, тебе понравится.

Я всегда с ним разговаривала, с моим сыночком, я была уверена, что он меня слышит. Особенно когда я здесь, рядом.

Сторож не обманул – могилка ухоженная, посадил незабудки, покрасил оградку, маленький памятник блестел на солнце. Я поставила свежие цветы в стеклянную вазу. Потом раскрыла пакеты с подарками. Я аккуратно посадила зайца у памятника в виде улыбающегося ангела. Поставила сбоку машинку и рюкзак.

– Вот зачем нам трансформеры, скажи? Если бы ты пошел в этом году в школу, мы бы обязательно купили тебе рюкзачок с Винни Пухом. Помнишь, в прошлом году я рассказывала тебе про него сказку?

Я села прямо на землю и обняла маленькую могилку руками, положила голову на пушистую траву.

– Я скучала, я думала о тебе каждый день, ни на секундочку не забывала. Я купила тебе новые сказки и сегодня обязательно прочту одну из них.

Я не знаю, сколько времени лежала на мягкой траве, поглаживая руками памятник. Только здесь ко мне приходило спокойствие, только здесь я могла плакать, превращаться в Ваську, которая похоронила своего трехмесячного сына семь лет назад. Чтобы спасти моего мальчика, мне не хватило всего лишь пяти тысяч долларов. Сегодня моя сумочка стоила дороже. Мой малыш, как же я боролась за твою жизнь, но видно плохо боролась, плохо молилась. Теперь я могу осыпать твою могилку игрушками и цветами, а вернуть тебя уже не смогу никогда.

8 лет назад

Как умерла Василиса

Артур не вернулся ни на утро, ни спустя месяц. Точнее, он появился в нашей квартире, когда меня не было дома, и забрал все свои вещи. Он не знал, как сильно я его ждала, как искала, как выпрашивала его друзей. А может и знал. Скорей всего знал, только ему больше не нужна была Васька. Тем более – беременная. Я узнала о том, что жду ребенка через неделю после того, как он исчез. Тогда я еще не понимала, что он меня бросил окончательно и бесповоротно.

Поняла лишь спустя несколько недель, когда вернулась в пустую квартиру и увидела свет на кухне. Бросилась сломя голову, сердце билось так гулко в ожидании в предвкушении. Я, наверное, простила бы ему все, только бы он вернулся. Только свет впопыхах забыли выключить, а квартира оказалась еще более пустой, чем тогда, когда я ее покидала утром. С того времени, как Артур пропал, мне катастрофически не хватало денег и я устроилась еще на одну работу. Мыла полы на лестничных площадках, потом прибегала перекусить, а вечером в клуб, снова петь и снова ждать, когда он вернется. Я так и застыла в дверях, с болью осознавая, что приходил Артур не для того, чтобы вернуться, а затем, чтобы уйти окончательно. Он опустошил все шкафы, забрал даже свой станок для бритья и зубную щетку. Только сейчас я осознала, что пока дома были его вещи, я не теряла надежды, что он вернется. Теперь же у меня не осталось даже этого. На кухонном столе лежала записка, написанная на скорую руку простым карандашом, который валялся тут же, рядом с проклятой бумажкой: " Я не вернусь. Все кончено, у меня скоро свадьба. Поэтому не ищи и не порть жизнь ни мне, ни себе. Вот деньги на аборт. Думаю, здесь больше чем достаточно. С квартиры съехать нужно до следующей недели. За все уплачено. Артур".

Я думала, что мой мир рухнул, что его разнесли торнадо или цунами. Тогда мне казалось, что большего горя не придумать, что большей боли не вынести. Я съехала в тот же день. Вернулась к Ивану Владимировичу как побитая собачонка. Он меня принял, слова лишнего не сказал, не упрекнул ни в чем. И мне от этого его молчания было еще тяжелее. Наверное, лучше бы он на меня накричал, или тоже выгнал из дому. Я сидела в ванной часами и читала

проклятую записку, пересчитывала деньги. Артур оставил мне тысячу долларов. Немало. Аборт стоил тогда намного дешевле. Он от меня откупился. Таким вот способом. Я знала, на ком он собирался жениться. Его добрые друзья поставили меня в известность еще тогда, когда я обрывала их телефоны. Один из них даже сказал, что теперь он живет с Аленой Рахманенко на вилле за городом. Как же мне хотелось пойти туда, посмотреть ему в глаза. Услышать от него самого, что между нами все кончено, понять, почему он со мной так, за что? Я много думала в эти дни, а точнее ночи. Я не знала, как мне поступить, что делать. Я совсем одна. Я ждала ребенка, которого никто не хотел. От нас откупились, швырнули нам подачку тысячу долларов – вот сколько стоила моя разбитая жизнь и жизнь нерожденного малыша. Большого Васька не заслужила. Не заслужила она объяснений, последнего «прощай». Наверное, так мне и надо. Нельзя было так его любить, нельзя было быть такой счастливой. Всему приходит конец, даже самой волшебной сказке. Вот и моя закончилась. И я решилась – пусть Бог меня простит. Только куда мне сейчас рожать? Взвалить все на Ивана Владимировича? Слушать сплетни соседей? Перебиваться от зарплаты к зарплате? Растить нищету, как и я сама? Когда я осторожно, чтобы не потревожить Ивана Владимировича, прокралась к двери, тот громко меня окликнул:

– Васька, не смей, слышишь? Вернись и давай поговорим.

Он говорил долго, а я слушала, размазывая слезы и порываясь вскочить и убежать. Только не смела, не смела вот так взять и уйти. Впервые он был со мной строг, по-отцовски строг, я даже не смела рта открыть. Мне было стыдно, так стыдно, что у меня горели щеки, и я не решалась поднять глаза и посмотреть на него. Только чувствовала как слезы падают мне на руки и молча кивала. Он был прав, он меня предупреждал.

– Васенька, ну не конец света беременность. Ну и ладно, что без отца. Ты не первая и не последняя. Протянем как-нибудь, вон две тарелки супа есть и третья найдется. По-первой своим молочком покормишь, а потом оформим детскую кухню. Не в таких условиях детей-то растили. В голод на ноги поднимали. Ну не плачь, моя хорошая, вот так. Иди я тебя обниму.

Он гладил меня по голове морщинистой рукой, а я рыдала навзрыд.

– Васенька, деточку убивать нельзя, она не повинна в грехах родителей. Не нам решать, кому жить, а кому умирать. Вот родишь мне маленького, будет мне

отрада на старости лет.

– А что люди скажут? – рыдала я, – что люди скажут? Стыд какой на ваши седые волосы.

– Васенька, плевать нам на них. Пусть что хотят, говорят. Нам главное чтобы ребеночек был здоровенький. Вытри слезы. Не переживай. Справимся сами. Вот увидишь. Все будет хорошо. Все будет хорошо, моя девочка.

И я ему поверила, я спрятала проклятые деньги в вазочку на столе и с новыми силами начала работать. Я все еще ждала, что Артур позвонит или посигналит под окном. Я срывалась к телефону каждый раз, когда раздавался звонок, и выскакивала на балкон, услышав рев мотоцикла. Артур не звонил больше и не приезжал. Я увидела его лишь один раз спустя полгода. Он даже меня не заметил, шел под руку со своей Аленой, нес следом сумки с продуктами к новенькому «джипу». Я не посмела подойти, просто стояла и смотрела со стороны, обхватив руками живот. Все надеялась, что он обернется. Не обернулся. Помог своей невесте сесть на переднее сиденье и рванул с места. Я долго смотрела им вслед и думала, что никогда больше не буду искать с ним встречи, никогда и ни о чем не попрошу. Я ошибалась. Я пришла к нему спустя пять месяцев, пришла и торчала под его окнами в надежде его увидеть. Сидела на лавочке под его шикарным домом с охраной и высоким мраморным забором.

Мой сын родился недоношенным на двадцать девятой неделе. От недосыпания и недоедания мой организм ослаб, и я не смогла выносить положенные девять месяцев. В больнице делали все возможное, хотя чего можно было ожидать от единственного роддома в захолустном городишке. Я ожидала чуда, но оно не произошло. Егорка родился весом семьсот грамм, его легкие все еще не работали самостоятельно, он перенес несколько операций на желудке. Все это время я жила в «патологии», дневала и ночевала там. Я мыла полы, помогала медсестрам, лишь бы мне позволили там остаться. Постепенно Егорке становилось лучше – он поправлялся на глазах, он даже начал брать грудь. Я радовалась каждой секунде, проведенной с ним, каждому дню. Я забыла обо всем и молила Бога, чтобы мой малыш выжил. Нас должны были выписать через пару дней. Мы с Иваном Владимировичем уже приготовили детское приданое. Потратили его сбережения, кое-кто из соседей одежду подкинул, ванночку. Я ждала моего малыша домой. Только перед самой выпиской Егорке стало плохо. Никто не мог понять, что случилось, почему он так истошно кричал и

отказывался от еды. Диагноз поставили на следующий день – хроническое заболевание легких[1 - Хроническое заболевание легких, или бронхопульмональная дисплазия – это состояние, которое создает проблему с дыханием у новорожденных, особенно у тех, кто был рожден слишком рано. Легкие не могут захватить воздух или быть ослабленными, наполненными жидкостью или слизью. Лечение зависит от того, насколько серьезное состояние. Оно обычно включает в себя кислородную терапию и иногда использование вентилятора, также как и медикаменты и диетотерапия.]. Такое бывает у недоношенных младенцев. Меня успокаивали, говорили, что делают все возможное, но катастрофически не хватает медикаментов, не хватает нужных средств. Мне посоветовали перевезти малыша в платный центр в столице. Но там на лечение требовалось пять тысяч долларов, без предварительного взноса со мной даже говорить не стали. Я заняла, сколько могла, попросила ссуду на работе, но мне отказали. Оставалось только просить денег у отца Егорки. И я пошла. В тот момент я готова была продавать себя на улице лишь бы найти нужную сумму, но на все требовалось время, а у меня, точнее у моего малыша, этого времени катастрофически не хватало. Отсчет шел на дни.

Я прождала у ворот их шикарного особняка несколько часов, пока один из охранников не попытался меня выгнать. Тогда я взмолилась, попросила отнести Артуру конверт. Охранник ушел, а я смотрела на окна их дома и молилась, надеясь в очередной раз на чудо. Охранник вернулся спустя несколько минут. Судя по тому, как он не решался посмотреть мне в глаза, он прочел мою записку, только ответ передал на словах и я их никогда не забуду, не забуду этого страшного приговора, который так легко вынес моему сыну его отец:

– Мне велели вам сказать, что если Артур Александрович будет каждой... хм... простите... каждой женщине, с которой он встречался давать деньги, то он скоро разориться. Вы уходите лучше, не стойте здесь, а то мне придется полицию вызвать.

Я не ушла, я все еще не верила, что Артур мог вот так просто сказать эти жуткие слова. Ведь в тот конверт кроме моей записки я положила преискуронт цен платного центра, справки с заключением врачей. Неужели после всего, что было между нами, он не смог найти для своего сына проклятые пять тысяч долларов?

В больницу я вернулась спустя несколько часов. На меня смотрели с жалостью, дежурная медсестра пожимала мне руку, предлагала чай с печеньем и

успокоительное. Только никто не знал, как сказать мне, что у Егорки шансов на выздоровление все меньше. Мне уже не запрещали носить его на руках и часами сидеть с ним рядышком, трогать крошечную ручку. Я смотрела на все трубки и провода, которые оплетали крошечное тельце, на аппараты искусственного дыхания и понимала, что умираю вместе с ним. Это я дышу все слабее, все отрывистей, это мое сердце стучит все тише. Егорка умер во сне. Никто не заметил кроме меня, а я сидела тихо как мышка, чтобы медсестры не забрали его у меня. Дали еще драгоценное время проститься, еще минутку, еще секунду. Утром начался обход. Я все помнила как в тумане, у меня не могли отобрать тело, я выла и орала как раненное животное, я вцепилась в сына мертвой хваткой и не отдавала никому. Я рычала и пыталась бить и кусать санитарок. Спустя час им все же удалось с помощью психиатра убедить меня отдать малыша. Вот так умерла Васька. Точнее вот так она начала умирать, корчиться в агонии, а ее смерть была долгой и болезненной. Егорку мы хоронили вдвоем. Я и Иван Владимирович. Он, наверное, постарел сразу лет на десять, поседел еще больше. Я не плакала, у меня не осталось слез. Я только выла и стонала бессонными ночами, запиралась у себя в комнате с детской кроваткой и игрушками. А потом я начала пить. Водка приносила мне облегчение, пусть недолгое, но забвение. Я не слышала плач моего малыша, я не видела малюсенького гробика, я просто падала в черную дыру, а когда выныривала из бездны, Иван Владимирович обреченно ставил на стол очередную бутылку. Знал, что если не выпью – наложу на себя руки.

Вот как умирала Васька. Долго и мучительно сгорала в пьяном угаре. Инга родилась не сразу, спустя несколько месяцев беспробудного запоя. Ее рождение все же можно назвать чудом. Мне позвонили из клуба, попросили выйти на замену, просто открывать рот под фонограмму – их новая прима заболела. Мне нужны были деньги. Водка кончилась, Иван Владимирович отдал мне последние копейки. Так что нужно было срочно работать, иначе к вечеру я загнулась бы без спиртного, и я вышла. Кое-как накрасилась, приделалась, даже волосы расчесала, смастерив некое подобие прически дрожащими руками. Я стояла там, еле держась на ногах, и открывала рот как рыба, невпопад. Я мечтала о том, как закончиться этот вечер и я куплю заветную бутылку алкоголя, заветное зелье забвения. Я даже не заметила, что за самым первым столиком сидит необычный посетитель. Мужчина смотрел на меня, смотрел пристально, прожигая взглядом. Я и раньше его видела, точнее он стал завсегдатаем клуба еще тогда, когда я жила с Артуром. Бывало, официантки хихикали, передавая мне очередной букет роз, который я тут же отправляла в мусорку: "Вон тот тип снова пришел, опять тебе цветы и чаевые оставил. Эх, Васька, нам бы такого ухажера, а ты в своего Артура вцепилась, у этого мужика явно денег куры не клюют и запал он на тебя

не по-детски, хватай удачу за хвост".

Только в этот вечер он не просто смотрел, он решил мою судьбу. Когда я закончила делать вид, что пою, ко мне подошли два здоровых парня, подхватили под руки и затолкали в автомобиль. Я даже не сопротивлялась. Когда увидела своего «похитителя» мрачно спросила:

– Купите водки или денег дадите? Лучше водки – и делайте что хотите.

Так я познакомилась с Германом. Точнее так он меня приручил, Пигмалион хренов. Вообразил себя богом. Эдаким принцем для заблудшей овечки, но он дал мне силы. Он помог мне возродиться из пепла.

Я сидела под замком в дальней комнате его особняка, выла и материлась, требуя водки, я переживала все кошмары наяву. Я узнала, что такое муки ада и белая горячка. Своего будущего любовника я все еще не видела после того раза в машине, когда он привез меня к себе в дом. За мной ухаживали молчаливые люди из obsługi, как за больным ребенком. Меня не выпускали, лишь приходили вынести тазик, в который меня выворачивало наизнанку, когда пары алкоголя покидали мое тело. Так же мне по часам приносили попить и поесть, но я оставляла еду нетронутой, только воду выпивала жадно, мое горло пекло от непереносимой жажды. Спустя пару недель ко мне пришел психиатр, такой весь прилизанный, холеный дядечка, он втирал мне про высокие материи, выписал кучу лекарств, учил справляться с депрессией, вел со мной непонятные игры с картинками. Только когда за ним закрылась дверь моей шикарной «темницы», я поняла, в чем теперь смысл моей проклятой жизни – это заработать денег, заработать столько, чтобы такие, как Артур Чернышев были лишь пешками в моих играх. Не важно, какими способами, но я стану богатой. Я выживу и отправлю его в болото, где даже сто долларов покажутся ему несметным богатством, я лишу его всего, что ему дорого, я спущу его на самое дно. Вот так родилась Инга. Утром она съела свой завтрак, приняла душ и переоделась в новую одежду. У нее появился смысл жизни – месть.

Я с наслаждением пила малиновый чай и разжевывала не спеша домашнее печенье. Как же я соскучилась по этому вкусу, вкусу детства. Иван Владимирович смотрел на меня, подперев подбородок рукой, и улыбался. Только он мог вот так искренне радоваться встрече со мной. Он любил меня. Не за

особые заслуги, не за внешность – просто любил, как отец любит своего ребенка. Нормальный отец.

– Как ты изменилась, какой красавицей стала. Налюбоваться не могу.

– Да бросьте, это все современные ухищрения: краска для волос и косметика, плюс хирургическое вмешательство – вот и красота налицо и на лице.

– Эн нет. Красота – дело наживное, ты изменилась в другом смысле, стала взрослая и уверенная в себе. Только не радуют меня эти перемены. Чувствую, недоброе ты затеяла. Меня не обманешь. Зачем тебе вся эта информация? Вон денег сколько заплатила. Зачем ворошишь осиное гнездо?

Я нахмурилась. От Ивана Владимировича ничего утаить нельзя, видит меня насквозь.

– Пришло время платить по счетам. Они мне должны. Должны столько, что деньгами тут не рассчитаться. Вы меня не отговаривайте. Я к этому шла долгие годы. Училась, менялась, собирала информацию по крупицам.

Он тяжело вздохнул, подлил мне еще чая.

– Месть, Васенька, разрушает. Да, она сладкая, когда мечтаешь о ней годами, а когда воплотишь, что останется? Пустота?

Он был прав, впрочем, как всегда, но у меня внутри и так пусто. Дальше уж и некуда.

– Ты бы, Василиса, нашла себе парня хорошего, вышла замуж, семью создала, а ты все прошлым живешь. Все забыть его не можешь. Отпусти боль. Отпусти и начни жизнь с чистого листа.

Я поставила чашку на стол с такой силой, что весь чай расплескался на белоснежную скатерть.

– С чистого листа? Как начать? Кому я нужна со своими проблемами? Вы ведь помните приговор врачей – детей у меня скорей всего уже не будет. Так что

семью мне не создать, мужчинам я не доверяю. Вот возьму все, что мне причитается с Чернышева и заживу новой жизнью с чистой совестью.

– А будет ли она чиста, совесть твоя?

– Будет. Вы мне лучше конвертик отдайте.

Иван Владимирович подтолкнул ко мне пальцами большой желтый конверт. Я с нескрываемым удовольствием достала фотографии. Не буду лгать – от увиденного мне стало не по себе. Не то, чтобы я была в шоке, но все же надеялась, что Чернышев не такая скотина. Впрочем, напрасно надеялась. На снимках мой бывший возлюбленный совокуплялся, другого слова не подберешь, с несколькими дамочками легкого поведения. Снимки не очень хорошего качества, но видно, что девушки обслуживают по высшему классу и Чернышев стонет от наслаждения. В душе поднялась волна ярости. Черная волна, вызывающая дрожь отвращения. Я не стала рассматривать снимки дальше – духу не хватило. Перевернула их картинками вниз и достала другие документы. А вот тут еще интереснее – неуплата налогов, если хорошо покопаться – за это можно и посадить эдак на пару лет. Но все на закуску. Вначале пошлю-ка я его милой жене снимки, а потом пожалею несчастную, а вдруг она мне что-то интересное расскажет. Более интересное, чем просто неуплата налогов. Ведь есть же у тебя, Чернышев, скелеты в шкафу, кроме Василисы?

– О чем задумалась, Вась?

– О том, что мало тут компромата, мне нужно больше, намного больше. Сведите меня с тем человеком, который делал эти снимки. Мне нужно поговорить с ним лично.

Иван Владимирович задумался, а потом осторожно вытер тряпкой разлитый мною чай.

– Васька, ты что затеяла? Чего добиваешься? По-моему тут достаточно, чтобы разрушить его брак.

Я расхохоталась, истерично так, не смогла сдержаться.

– Разрушить брак? Этого ничтожно мало. Я хочу уничтожить его, раздавить, унижить, разорить.

Иван Владимирович посмотрел на меня с сожалением и я, черт возьми, не понимала его.

– Пять тысяч долларов, – процедила я, – жизнь моего ребенка стоила всего лишь пять проклятых тысяч долларов. Его ремень стоит дороже. Я хочу, чтобы у него не осталось ничего: ни денег, ни компании, ни жены... НИЧЕГО. Как у меня когда-то. Мой сын мог пойти в этом году в школу... все могло быть иначе. Если бы он был жив, я бы не спала чертовых семь лет с Германом, я бы жила нормальной жизнью, а не просыпалась по ночам в холодном поту, слыша плач моего мертвого ребенка.

Иван Владимирович взял ручку и написал на салфетке номер телефона, подвинул ко мне.

– Поступай как знаешь, если тебе от этого легче. Только помни о том, что Егорку этим не вернешь.

Глава 6

Лифт остановился на седьмом этаже, и Артур прошел по ковровой дорожке в сторону массивной стеклянной двери главного офиса компании "Трастинг Строй".

В офисе, как всегда, суeta: кто-то носился с папками, уборщица гудела пылесосом, секретарша болтала по телефону и потягивала кофе из пластикового стакана. Сегодня Чернышев явился в офис раньше обычного. Света бросила на него удивленный взгляд и положила трубку.

– Кофе, две ложки сахара, – бросил Артур, даже не поздоровавшись, и пошел в кабинет.

– Артур Александрович, там...

Он отмахнулся от нее как от назойливой мухи, но уже через секунду понял, что именно она имела в виду. Дверь кабинета была приоткрыта, на ней красовалась табличка не с его именем, он даже не стал читать, а бросил яростный взгляд на женщину, сидящую за его столом. Инга его не заметила, и не услышала, слишком громко гудел пылесос. Она что-то писала, и Артур невольно засмотрелся на нее. Длинные каштановые волосы распущены по плечам, тонкие пальцы сжимают ручку, на среднем поблескивает изящное колечко. Она забросила ногу за ногу, и Артур видел ее колени и стройные лодыжки. Инга играла туфелькой, то одевала ее, то сбрасывала снова. Артур почувствовал, как это невинное движение разожгло в нем пожар, словно переключился выключатель, и его обдало жаром. Маленькая ступня, затянутая в черный чулок, эротично проскальзывала в туфельку. Инга поправила прядь волос за ухо и прикусила кончик ручки зубами. Артур внезапно вздрогнул. Это движение, этот поворот головы и ресницы, бросающие тень на щеки. Она кого-то ему напомнила. Неуловимо, но очень отчетливо. Сердце мужчины пропустило несколько ударов, потом понеслось вскачь. Память старалась, напрягалась. Мозг лихорадочно сканировал воспоминания и – ничего. Он не мог знать эту красивую стервочку раньше. Такую шикарную женщину он бы не забыл никогда. От нее исходили такие флюиды, такой яростный запах секса, что он реагировал на ее присутствие мгновенно, распаляясь только от запаха духов, от взмаха ресниц. С ним еще никогда не происходило ничего подобного, он тут же ощутил сильнейшую эрекцию, словно у него не было женщины годами. Инга резко подняла голову.

– Доброе утро, господин Чернышев. Могли бы и постучаться.

Артур демонстративно зашел в кабинет и закрыл за собой дверь.

– Шустренько ты здесь обосновалась. Не иначе, как в пять утра уже здесь была.

Инга положила ручку на стол и посмотрела на Артура из-под длинных пушистых ресниц. От ее томного взгляда у него мурашки пробежали по коже.

– Ну, кто рано встает – тому сам Бог дает.

"Или дьявол. Ты у меня ассоциируешься с адским искушением".

Вошла секретарша, многозначительно посмотрела на них обоих и поставила кофе Артура на стол.

– Что-нибудь еще?

– Можете идти, Светочка. Вы сегодня просились уйти пораньше насколько я помню – в три можете быть свободны.

Артур побагровел от злости. Эта маленькая сучка дает здесь распоряжения, словно его и не существует вовсе. Секретарша победно ему улыбнулась и вышла, виляя внушительными бедрами. Когда-то он видел эти бедра без одежды, только приелась ему Светочка моментально и отношения кончились после первого же перепиха.

– Какого черта ты ее отпустила? У нас по горло работы, заказы горят, клиенты обрывают телефоны!

Инга спокойно закурила тоненькую сигарету и закинула ногу за ногу. Артур заметил светлую полоску кожи внутренней стороны бедер над кружевной резинкой черных чулок. В горле резко пересохло.

– У Светочки болеет мама, она сейчас лежит в кардиологии после сердечного приступа. Ты мог бы хоть изредка интересоваться личной жизнью своих подчиненных. Кстати, Свету заменит Оксана, она превосходно справиться с этой работой.

Артур даже хмыкнул от удивления. Ловко, ничего не скажешь – она всех знает по именам, она даже в курсе того, кто и кого может заменить. Кто она – эта Инга Орлова? Как долго она изучала дела компании, прежде чем приехала вместе с Новицким в город?

– А мы с тобой, я так понимаю, уже перешли на «ты» еще вчера, так вот мы поедem и вместе осмотрим объект, который застоялся и должен был быть сдан еще неделю назад. Хочу лично проверить, в чем загвоздка.

Артур взял со стола кофе, сделал глоток и посмотрел на Ингу с нескрываемым интересом. Несмотря на то, что она его бесила, Инга начинала Чернышеву

нравиться. Несомненно, это не очередная пустышка, не кукла, а личность. Довольно сильная личность. От этого Орлова привлекала его еще сильнее.

– Ты имеешь в виду гостиницу?

– Вот именно. Гостиницу. Вы должны были сдать проект седьмого июля. Сегодня уже семнадцатое. Так что пошли, Чернышев, у нас сегодня много работы. Хотя, если хочешь, я могу поехать и одна.

"Еще чего, одна! Я тебя ни на секунду из вида не выпущу, с удовольствием посмотрю, как ты будешь бегать по стройке на своих каблуках и в юбке".

– Поехали, сейчас прорабу позвоню, пусть ждут гостей.

– Нет! Никому не звони. Я хочу посмотреть, чем они там занимаются без предупреждения. Ты на машине? А то моя в ремонте после аварии.

Артур самодовольно усмехнулся, конечно, он на машине. У него их три, если не считать авто жены. Сегодня он приехал на джипе. Его «ауди» тоже в ремонте.

– Поехали.

Артур окинул ее жадным взглядом, замечая каждую мелочь. Одета неброско, но со вкусом. Каждая деталь наряда продумана, сексуальна и подчеркивает ее индивидуальность. Кремовая блузка расстегнутая на груди на две пуговицы, еще немножко – и будет видно соблазнительную ложбинку, легкий черный жакет, элегантный, приталенный, юбка чуть выше колен, из тонкой материи того же цвета, повторяющей каждый изгиб стройных бедер, сбоку небольшой разрез и неизменные туфли на высокой шпильке. Черт, эти проклятые туфли его возбуждали. Ему нравились женщины в такой обуви и черных чулках. Ее длинные волосы крупными волнами спускались до самых бедер. Инга непринужденно заколола их сзади заколкой. Идеальное лицо, остренький подбородок, высокие скулы, слегка курносый ровный нос и глаза. Как часто он говорил женщинам, что у них красивые глаза, подразумевая совсем другое, но у этой они и в самом деле необыкновенные – ярко-зеленые, как у кошки, миндалевидные, умело подчеркнутые неброским макияжем. Глаза с поволокой.

Когда она возбуждается, они темнеют? Она кричит во время оргазма? Артур был уверен, что кричит. Такие женщины отдаются полностью, точнее берут от секса и от мужчины все. От этих мыслей в паху заныло, и он снова почувствовал эрекцию. Разозлился на себя, увидел, как она красноречиво посмотрела на его ширинку, тонкие брови взлетели вверх и она усмехнулась.

– Рассмотрел все? Можем идти, или повернуться к тебе с разных ракурсов?

"Вот зараза. Знает, какое производит на меня впечатление, и рада этому. Дразнишь зверя, девочка, я могу и разозлиться".

Хотя он лгал сам себе: чем больше смотрел на Ингу, чем больше с ней общался, тем меньше мог ее ненавидеть. Девушка пошла впереди него, прекрасно зная, что он рассматривает ее украдкой. Ну и походка, от бедра, юбка обтягивает аппетитные ягодички при каждом движении. Артур стиснул зубы и постарался отвлечься, не смотреть на ее попку, на длинные ноги. Давно он не хотел женщину так сильно, что все мысли сводились только к одному – примитивному желанию овладеть ею.

Инга забралась на переднее сиденье, бросила сумочку назад и по-хозяйски включила радио. Артур повернул ключ в зажигании, и машина сорвалась с места. Он то и дело поглядывал на ее колени, на вырез блузки, иногда замечая черное кружево бюстгалтера. Ее грудь казалась пышной, упругой. В этот момент в ее сумочке зазвонил сотовый. Инга перегнулась назад, чтобы его достать, и Артур выругался про себя матом. Мать ее так, какие красивые ноги, гладкие, кожа матовая, ровная. Если прикоснуться к ней ладонью, раздвинуть эти бедра, коснуться ее. Да что, черт возьми, с ним происходит? Он будто под кайфом, или женщины не видел лет сто. Последний раз таким голодным Артур помнил себя только после армии.

– Да, милый, конечно, я тоже соскучилась, – ее голос изменился, завибрировал, стал низким и томным. Таким голосом говорят только с любовниками, мужчинами, с которыми занимаются горячим и безудержным сексом. Артур почувствовал раздражение. Мысль о том, что она говорит таким голосом с кем-то другим, его разозлила. Он хотел ее, хотел, чтобы она принадлежала только ему. Получить ее и потом пусть трахается с кем хочет, только не тогда когда он ее так желает. Она позволяет своему любовнику то, что не позволяет ему и не

позволит. Нет, он ее получит, всеми правдами и неправдами от этой женщины Артур не отступится.

– Герман, дорогой, я вчера просто ужасно устала и поэтому не смогла ответить. Конечно, я была дома. Знаю, милый, я тоже думаю о тебе каждую минуту... и я... можешь не сомневаться... тоже очень...

Посмотрела на Артура и, растягивая каждое слово, томно сказала:

– Хочу тебя... Целую.

"Хочу тебя" она произнесла так, словно говорила не со своим любовником, а с Чернышевым, и у него встал. Мгновенно. От резкой эрекции заболел низ живота, а змейка узких джинсов впилась в горящую плоть. Черт бы побрал эту девку. Ведьма. Инга забавлялась его реакцией, она играла с ним в те же игры, в которые он любил играть с женщинами. Артуру не нравилось быть ее жертвой. Он приходил в бешенство. Чернышев даже не представлял, что бы с ним начало твориться, если бы Инга сказала эти слова ему самому.

– Ты проехал поворот, – она засмеялась и поправила волосы.

Дьявол, и правда проехал, пришлось сделать круг. По радио заиграла красивая песня, и Чернышев сделал громче. Но уже после первых аккордов Инга переключила на другую станцию. Артур вернул обратно:

– Мне нравится музыка, не трогай, – проворчал он и закурил. Инга странно напряглась, приоткрыла окно. Артуру песня показалась знакомой, словно он ее уже где-то слышал, и голос тоже слышал. Точнее похожий голос. Словно эту песню исполняла другая певица или эта же, только много лет назад. Голос сильный, с надрывом, певица выкладывалась, в каждом слове душа, в каждом вздохе страсть. Надо же так петь, что каждый, кто слушал, принимал эти слова на свой счет. Когда песня закончилась, диктор сказала «спасибо» прекрасной певице Инге Орловой за чудесное исполнение.

– Ух, ты, а поешь здорово... Мне даже кажется, что когда-то я уже слышал эту песню и возможно даже в твоём исполнении.

Инга нервно закурила еще одну сигарету.

– Не мог слышать, это из нового альбома, – отрезала она.

Артур пожал плечами. Она и комплиентам не рада. Странная какая-то, нервничает. Может, не любит когда ее обсуждают или стесняется, хотя эта вряд ли знает, что такое смущение.

Они приехали к обнесенному желтыми лентами участку с высоким вычурным зданием посередине. Ни живой души, подъемный кран стоит в стороне, явно без управления. Инга сама вышла из автомобиля, приподняла ленту и ступила на асфальт. Приложила руку к глазам, щурясь от яркого солнца:

– Ну и где чертовы работнички? – спросила она, и яростно посмотрела на Артура, тот пожал плечами и пошел в сторону караванов, где обычно отдыхали строители.

Работнички сидели за столом и распивали водку, играли в карты, прораб откусил соленый огурец и наполнил свой стакан алкоголем.

– Мать вашу! Это так вы работаете? Где все остальные?

Они подпрыгнули от неожиданности, обернулись к гостям. Прораб выронил огурец и тут же вскочил. Инга вышла вперед и толкнула стол носком лакированной туфельки, потом презрительно посмотрела на прораба и спросила:

– Ты Денисюк?

Тот кивнул, окидывая девушку восхищенным взглядом, и Артуру захотелось поставить ему под глаз красочный «фонарь». Этот плебей не имеет права рассматривать Ингу так бесцеремонно.

– Значит вот что, Денисюк, через пять минут ты предоставишь мне списки тех, кто должен был сегодня выйти на работу и не пришел. Передашь им всем, что они уволены, расчет получают в бухгалтерии.

Прораб тут же растерялся:

– Но... там проблемы были... Там один заболел и...

– Справку от врача пусть принесут. Дашь мне график работы и всех отсутствующих за неделю. Ваш перерыв окончен и два дня вы работаете без отдыха. Водку на работу не приносить. Бухать дома, это вам не сходка алкоголиков. Завтра сюда приедет мой человек, он будет смотреть за работой. Проект окончите максимум за неделю.

– Но тут работы на месяц, – занял Денисюк и посмотрел на Артура, который молчал, и лишь посмеивался над тем, как хрупкой женщине удалось напугать шесть здоровенных мужиков. Они лихорадочно убрали на столе, прятали карты, выбросили бутылку в мусор.

– Значит ночью будете работать, без сверхурочных. Вы проект когда должны были сдать? Если бы не прогуливали и работали добросовестно, сдали бы раньше времени. Иди за мной, а вы – марш на рабочее место.

Артур проводил девушку взглядом, засмеялся, когда увидел, как Денисюк бежит следом, на ходу подхватывая две каски, одну из них протянул Инге. Девушка умело одела каску и пошла к стройке. Чернышев поспешил следом за ними. Огонь, а не девка. Даже у него так хорошо не получалось прикрутить горе работников. Если честно, то он на объектах почти никогда не бывал, лишь обзванивал прорабов и узнавал о ходе работы.

– Какого черта вы тянули? Здесь остались лишь ремонтные работы, шлифовка, проект почти готов. Управитесь за неделю, никуда не денетесь. Завтра вам добавят работников. Смотри, вот здесь пошла трещина по цементу, переделать сейчас же.

Артур наблюдал, как она рассматривает стены, залезла на стремянку и трогает потолок, постукивая пальцами. Снизу ее ноги выглядели идеально, Артур не смог отказать себе в удовольствии и подойти поближе.

– Вот тут нужно снова штукатурить, если такое происходит по всему объекту, я тебя, Денисюк, первого уволю, понял?

Прораб быстро закивал.

– Иди, приготовь мне списки на увольнение.

Инга наклонилась чуть вперед, пристально рассматривая какой-то изъян, и Чернышев выругался про себя матом. Юбка задралась выше, ему стали видны упругие ягодички и шелк черных трусиков, прикрывающих соблазнительные полушария. Внезапно Инга пошатнулась, вскрикнула, Артур тут же протянул руки и резко снял ее со стремянки. Она оказалась в его объятиях так стремительно, что он даже сам не понял, как это произошло. По его телу прошла судорога как от удара током, каждый мускул стонал от дикого напряжения. Он так сильно прижал ее к себе, что теперь его красноречивая твердая выпуклость в брюках упиралась ей в живот. Посмотрел в ее глаза и полетел в пропасть, сердце остановилось, а потом заколотилось с бешеной силой, ему казалось, что у него сломаются ребра. Ее грудь касалась его груди, и Артур готов был поклясться, что чувствует ее острые, напряженные соски. Из груди рвалось рычание. Руки девушки лежали у него на плечах, а его ладони крепко стискивали ее бедра и невольно жадно скользнули к тонкой талии. Ее глаза потемнели, загорелись, или ему показалось? Артура ослепило неконтролируемое желание впиться в ее губы поцелуем, ворваться языком в ее рот, пить ее дыхание, овладеть ею немедленно, прямо здесь. Это длилось всего лишь мгновение, а затем она резко оттолкнула его от себя, поправила юбку.

– Спасибо, только можно было и не лапать. Пошли. Здесь больше нечего делать. Денисюк поджал хвост, завтра уволим всех прогульщиков и возьмем стажеров. Так работа заладится быстрее. Чернышев, перестань на меня пялиться и пошли. Я же вроде не голая.

"Если я увижу тебя голой – я кончу" – зло подумал Артур и медленно поплелся следом за ней, чувствуя, как набухший член мешает идти, а трение о джинсы доставляет неудобство. Артур шумно выдохнул, пытаясь взять себя в руки, и ему это не удавалось, отчего он злился еще больше.

– Отвези меня домой, если не трудно, в офис я сегодня не вернусь.

"Трудно. Мне трудно дышать, когда ты рядом, чертова стерва".

– Без проблем. Ловко ты этого Денисюка уделала, мне понравилось. В тебе есть жилка начальника.

Она засмеялась.

– Конечно есть, просто нафиг всех уволю, вот и все. И он знает, что я не шучу.

– Инга?

– Да?

– А давай заключим сделку...

Она снова усмехнулась:

– В чем подвох?

Не доверяет, умная девочка, правильно делает.

– Ни в чем, у меня выгодное деловое предложение. Акции ты уже получила, так что можешь меня не бояться.

Она фыркнула:

– Бояться? У тебя мания величия, Чернышев.

– Допустим. Так тебе интересно, что я хочу предложить в обмен на мир и обоюдное сотрудничество?

Инга посмотрела на него с иронией:

– Думаешь, я не знаю, что именно ты хочешь предложить? Оставь эту тупую кобелиную затею, Артур. Придумай что-нибудь поинтересней, как мужчина ты меня не возбуждаешь.

И он разозлился, резко остановил машину и рванул ее к себе за шиворот.

– Правда, тогда почему твои соски стоят торчком с самого утра? Почему ты облизываешь свои губки и смотришь на меня с призывом?

Она не вырвалась, но когда ответила, у него кровь прихлынула к щекам с такой силой, словно ему вlepили сразу две пощечины:

– Вчера мой любовник уехал, а я не привыкла оставаться надолго без него, вот услышала его голос и возбудилась. Попустись, Чернышев. Причина не в тебе. Мне не нравятся такие как ты.

– Какие такие? – зло спросил Артур и перевел взгляд на ее губы, они находились слишком близко, ее дыхание щекотало ему подбородок.

– Наглые. Вечно озабоченные.

– С чего ты взяла?

Инга положила руку на его член и тихонько сжала, Артур вздрогнул, перехватил ее запястье.

– Ты что делаешь? – спросил он севшим голосом.

– У тебя тоже стоит с самого утра, – проворковала она и умело погладила твердую плоть надавливая сильнее. Артур стиснул зубы, но руку ее не убрал. Наклонился к ее губам с чувством триумфа, но Инга отстранилась, не позволяя поцеловать. Ее пальцы ловко расстегнули брюки, оттянули резинку трусов и пальцы обхватили напряженный до изнеможения член, высвобождая наружу. Артур хрипло застонал, глядя ей в глаза, чувствуя, как бешеное желание рвется наружу вместе с воплем победителя. Он напрягся, сдерживая крик наслаждения, дрожал каждый мускул, но он испытывал удовлетворение от того, что она к нему прикоснулась так дерзко... сама. Ломалась и так быстро сдалась. Он ждал ее реакции на свое внушительное орудие, которое с трудом обхватывали тонкие пальчики. "Мать ее, умелые пальчики... Что она делает?... Дьявол!.. Охренеть!"... Да он сейчас кончит ей в руку. Артур не мог оторвать взгляда от ее ведьминских глаз с расширенными зрачками. Пальцы девушки вытворяли с его членом нечто невообразимое, ТАК его еще никогда не ласкали: дразнящее, уверенно, словно создавая вакуум и вытягивая из него хриплые

стоны. Вдруг она сжала головку члена, и он почувствовал, как приближаются спазмы оргазма, неожиданно и резко, словно он разучился контролировать свое тело. В тот же миг Инга резко убрала руку.

– Я же сказала, что ты слишком высокого мнения о себе, Чернышев. Пять минут игры ручкой, и ты готов разрядиться. Неинтересно и слишком быстро, для меня, по крайней мере, может другим этого достаточно. Я дальше на такси. Счастливо.

Артур схватил ее за локоть с такой силой, что девушка охнула. От одной мысли, что она ускользает, оставляет его в таком состоянии, у Артура почернело перед глазами. Да он сейчас покажет этой сучке пять минут, он распластает ее на сидении автомобиля и будет трахать до утра, выколачивая из нее крики наслаждения, выбивая оргазм за оргазмом. Черт подери, он хочет услышать, как она орет его имя, хочет почувствовать, как она царапает ему спину, как будет извиваться под ним ее упругое сочное тело.

– Ты куда это собралась?

– Тебе забыла рассказать. Ширинку застегни и успокойся. Кстати, тут бордель недалеко, можешь пойти выпустить пар, – цинично заметила Инга и усмехнулась.

– Ты... , – Артур задыхался от бешенства, – ты, твою мать, совсем охренела?

Инга выдернула руку.

– С женой так будешь разговаривать, а со мной не смей. Отвянь, Чернышев, я не буду с тобой трахаться, ясно? Так что смотри на меня как на партнера по бизнесу, а если не можешь, так уволься – я подпишу все бумаги с превеликим удовольствием.

В этом Чернышев не сомневался. Нет, так просто он не сдастся. Или именно этого она добивалась своим поведением? Довести его до ручки? Черта с два. Не на того напала. Сами доводить умеем.

Инга вышла из машины и хлопнула дверцей. Артур быстро застегнул джинсы и посмотрел ей вслед, возле девушки уже затормозил какой-то урод на

спортивной тачке. Чернышев выскочил из джипа и грубо выкрикнул мужику:

– На хрен пошел, она со мной.

Мужик явно прикинул силы противника, а потом сорвался с места и правильно сделал, лучше вернуться домой с целыми костями, Артур способен их поломать в два счета, сейчас он просто в ярости, а от неудовлетворенного желания – перед глазами пелена. В таком состоянии он челюсть любому сломает, если вообще не изобьет до смерти.

Артур схватил Ингу за руку и потянул к машине.

– Поехали, я отвезу тебя домой. Не трону, не бойся.

– Да пошел ты, я и сама доберусь.

– До ближайшего лесочка? Тебя не учили не ловить попутки? Успокойся – сказал не трону, значит не трону. Сядь в машину.

Удивительно, но Инга послушалась, правда всю оставшуюся дорогу они не разговаривали и друг на друга не смотрели. Чернышев остановил джип в престижном спальном районе города, возле роскошной виллы с кирпичной оградой. Инга ушла не попрощавшись.

"Вот дрянь! Черт, ну это же просто невыносимо! У меня крышу снесло окончательно! Сегодня же по бабам, позвоню Пашке и поедем в клуб. Гадина, сделала как мальчишку, откуда только научилась этим трюкам?"

От мысли, что Инга могла проделывать такое и с другими, у него потемнело в глазах, образ девушки не вязался с дешевкой или гулящей. Такая знает себе цену, и очень большую цену. Похоже, сам Чернышев готов заплатить сколько угодно лишь бы хоть раз оказаться между ее стройных ножек. И он ее получит. Рано или поздно, но получит. В том, что он нравится Инге, Артур не сомневался, только соблазнить ее труднее, чем других, но он постарается, очень постарается.

Я захлопнула за собой дверь и сползла по ней на пол. Сказать что меня колотило, это не сказать ничего. Меня бил озноб, все мое тело покрылось мурашками. Проклятый Чернышев, сволочь, скотина. Как ему удавалось выбить у меня почву из-под ног одним прикосновением. Я уже забыла, как реагировала на его взгляды раньше, какую власть он имел надо мной тогда. Мой первый мужчина. Герман учил меня сексу, технике, играм. Он превратил меня в машину, которая умела дарить ему удовольствия. Для него я научилась танцевать стриптиз, дарить ему изысканные ласки, превращаться то в рабыню, то в хозяйку, умела доводить его до экстаза несколькими движениями пальцев или мучительно долго не давать разрядку. Я любила познавать мир секса не потому, что получала удовольствие, а потому что знала, что таким образом могу манипулировать им, а потом и другими мужчинами. Оргазмы я имитировала умело, даже мышцы моего лона сокращались, так что Герман пребывал в святой уверенности, что он неотразимый любовник. Только он не знал, что все эти семь лет я ему лгу, я притворяюсь и играю свою роль бесценной и податливой куклы. Только на самом деле я уже забыла, что такое удовольствие, мне это было не нужно, и чем яснее оставалась моя голова, тем лучше я справлялась со своей ролью. А сейчас я вновь испытала сумасшедшую дрожь желания именно к тому, кого ненавидела всеми фибрами своей души. Мое проклятое, предательское тело помнило, какие умелые у него пальцы, какой Артур страстный любовник, неудержимый и яростный. Черт бы его побрал, заметил, как напряглась моя грудь, как затуманился взгляд и пересохли губы. Да, я хотела его и ничего не могла с этим поделать, я не могла это чувство контролировать. Нужно научиться справляться с неумолимым желанием принадлежать ему снова. Физическое влечение к Артуру поразило меня еще в первую встречу, а сегодня я убедилась, что оно становится еще сильнее, когда увидела, как потемнели от желания его синие глаза, как нервно ходит кадык на его горле и как сжаты челюсти. Я узнавала эти признаки страсти, я помнила, КАК он умел смотреть на меня, разговаривая взглядом и поработая мою волю. Если бы он меня поцеловал или дотронулся до моего тела, я не знаю, как долго смогла бы продержаться. Но одно я знала точно – Инга сводит его с ума, она затуманила ему мозги и он сгорает от примитивного желания забраться ей под юбку, но это слишком мало, ничтожно мало. Таких, как Артур, не удержать сексом, тут нужна игра, тонкая психологическая ловушка. В следующий раз я буду осторожней и не позволю себе расслабиться, не позволю втянуть себя в собственные сети. Я буду наблюдать со стороны и продолжать играть с ним в эту игру. Черт, от возбуждения у меня вспотели ладони и насквозь промокли трусики. Я бросилась

в ванну, стянула одежду и стала под теплые струи воды. Проклятый ублюдок все еще имел надо мной власть, все еще сводил меня с ума одним взглядом, и за это я ненавидела его еще сильнее, да и себя тоже. Подонок. Он считал меня новой легкодоступной игрушкой, которую он затащит в постель и получит двойную выгоду – любовницу, а заодно и акции. Это мы еще посмотрим, кто чья игрушка.

Сегодня Алена получит по электронной почте его фотографии, где ее благоверный с остервенением трахает симпатичных аппетитных девушек из эскорт-услуг, мне будет весьма интересна ее реакция. Артура ждет очередной скандал, вынос мозга. Могу себе представить, какую истерику закатит его жена. Алена казалась мне избалованной папенькиной дочкой и редкостной тупой сучкой. Я ее ненавидела, наверное, даже больше чем Артура. Она получила от жизни все, что могла пожелать. Пусть меня назовут завистливой. Да, это была зависть, и не простая, а черная змеиная зависть, которая хуже ревности, а с ее примесью и вовсе гремучая. Она получила моего мужчину, у нее были деньги и все, что она пожелает, и что самое убийственное для меня – она ждала ЕГО ребенка. И я уверена, этой гадине никто не предлагал сделать аборт и если бы ее ребенок заболел, на него не пожалели бы и миллиона. За это я ее презирала. Всеми фибрами своей души, и я искренне надеялась, что сделаю больно не только Артуру, но и ей. Для этого мало просто с ним переспать. Любовниц у ее мужа каждый день другая, и этим ее вряд ли удивишь. Разве что временно разозлить, выбить из колеи, потрепать нервы. Э неееет, я хотела другого – не стать временной помехой, а стать ее постоянной соперницей, стать ее персональным адом. Пусть смотрит, как ее муж сохнет по другой женщине, как не спит ночами и нервно курит на балконе. Пусть назовет ее моим именем, когда будет накрывать ее своим телом или пусть у него на нее больше никогда не встанет. Я накрутила себя по-полной, и когда вышла из ванной, была злая как тысяча чертей.

Ближе к вечеру я уже сходила с ума от скуки. Мне нужно было срочно развеяться. Закатится в ночной клуб или бар, заказать себе коктейль и отдохнуть. Только вот одна я туда пойти не смогу, придется найти себе спутника, да чтоб не приставучего и не болтливого, а то Герману быстренько доложат, что к чему. Проблемы с любовником мне сейчас не нужны. Еще не время. Хотя я с ним собиралась в скором времени расстаться. Разберусь с Чернышевым, и всех мужиков пошлю к чертям собачим.

Я задумалась, потом взяла сотовый и набрала номер своего бывшего одноклассника, бросила взгляд на часы – вроде еще не поздно. С Валерой мы активно общались в интернете все эти годы, и я знала, что ему нравлюсь, да и он тоже не был мне противен. Симпатичный, немного стеснительный в школе, всегда приветливый. Тогда он носил очки, не курил, не пил и хорошо учился. Я слышала, что сейчас Валерка изменился, открыл свой бизнес по установке сигнализаций и неплохо стоит на ногах. Что ж, Валерочка, надеюсь ты составишь мне компанию. Сегодня я хочу оторваться по-полной, и выбираю я тебя. Может, я даже подарю тебе незабываемую ночку, если настроение будет соответствующее. Иногда меня заносило. Вот именно на такие приключения. С утра, правда, я потом всегда чувствовала отвращение, но не могла себе отказать в грязном удовольствии наставить рожки Герману. Не рога, а именно рожки и очень редко, не чаще чем раз в году. Мужчину я выбирала, как правило, сама, у нас случался ни к чему не обязывающий секс, а назавтра я уже и не помнила, ни как он выглядел, ни как его зовут. Удовольствия физического как такового никогда не было, а вот морально очень даже бодрило. Я все пыталась доказать самой себе, что смогу испытать наслаждение и с другими мужчинами, но черта с два – доходила до определенной точки возбуждения и облом. Случайный любовник доволен, а я отправлялась домой часами отмываться в душе и клясться себе, что больше ни за что и никогда, но спустя время снова выходила на «охоту». Сегодня настроение было соответствующее такому приключению, отчасти в этом виноват Чернышев, чтоб его. Я набрала номер Валерки и злобно выслушала длинные гудки, уже собиралась дать «отбой», как вдруг услышала его голос.

– Валера, привет, узнал?

Конечно, он меня узнал. Еще бы, не узнать свою первую любовь. Он был безумно рад меня слышать, заметно нервничал и естественно согласился отвезти меня в один из модных клубов столицы. Он должен заехать за мной через час. Вот и отлично.

Наряд я выбрала сногшибательный: если бы Герман увидел – не пустил бы за порог. Но любовник сейчас со своей мымрой и отпрысками, а я одна, и жажду приключений на свою пятую точку. Хотя Валерка – довольно безобидное приключение. Совков приехал не через час, а через сорок минут и ждал меня неподалеку от дома. Все же надо запудрить мозги охране, а то Новицкому быстренько доложат. Я посмотрела на свое отражение в зеркале и осталась

довольна. Сексуальная, вызывающая красотка в алом мини-платье, сапогах-ботфортах и с ярким макияжем. Я себе нравилась. Точнее, мне нравилась Инга, потому что Васька не посмела бы так вырядиться никогда, но на то она и Васька. К черту лифчик, трусики слинги, и шелковое платьице с трудом удерживающееся на тоненьких лямках. Я набросила кожаный плащ и выпорхнула на улицу.

Увидев Валереку, несказанно удивилась. Он не просто изменился за те годы, что мы не виделись – он стал совершенно другим человеком, в этом небрежно одетом парне с короткой стрижкой, татуировкой на плече и сигаретой в зубах, я с трудом узнавала своего воздыхателя в очках. Валерка расплылся в довольной улыбке, он смотрел на меня горящими глазами и даже выронил сигарету. Я же оценивала его как случайное развлечение и пришла к выводу, что он мне даже нравится и если я достаточно выпью, то возможно позволю трахнуть меня на заднем сидении его автомобиля.

Мы приехали в совершенно сногшибательный ночной клуб, где, оказалось, Валерку хорошо знали, именно он устанавливал тут камеры наружного наблюдения и сигнализацию, нас пропустили без проблем. Шикарное местечко, повсюду клетки с голыми стриптизершами, посередине сцена с ди-джем и большим плазменным экраном, на котором периодически показывали каждую из красоток в клетках. Сбоку шест и еще пара девочек, которых клиенты могли пощупать и одаривать чаевыми. Музыка гремела вовсю. Мне здесь понравилось, я потащила Валерку к бару, и он заказал мне martini. После парочки коктейлей я активно строила ему глазки, он шалел от моего внимания и уже не мог скрыть своего возбуждения. Потом я вышла танцевать, примерно минут через пять вокруг меня образовалось пустое пространство, и стриптизерши народу стали неинтересны. Теперь все глазели на меня, и было на что поглазеть – искусство современного танца, да и стриптиза я знала не хуже любой из работниц этого заведения. Валерка уже заметно нервничал, курил все чаще и злобно поглядывал на парней, которые пытались пристроиться ко мне со всех сторон. Я вошла в полный раж, расслабилась, я отдыхала. Пока вдруг не заметила Чернышева. Он сидел за столиком ближе к сцене с какой-то грудастой блондинкой и не смотрел в мою сторону, он отчаянно соблазнял свою спутницу, его рука гладила ее круглую коленку, еще немного и он заберется ей в трусы. От неожиданности я даже остановилась. Я видела лишь профиль Артура, он немного наклонился к блондинке, и что-то шептал ей на ухо, в тот момент как

его ладонь двигалась все выше. Не знаю, что на меня нашло, я выхватила изо рта Валерки сигарету, сильно затянулась и вернулась танцевать. Теперь я не сводила глаз с мило воркующей парочки. Я даже примерно представляла себе, о чем они говорят. Ну, вот и уболтал, кто бы сомневался. Мрачно подумала я, когда увидела, как они встали из-за столика и пошли в сторону комнат для частных танцев. Теперь ладонь Артура по-хозяйски лежала на бедре блондинки.

Внезапно он меня заметил. От неожиданности у Чернышева приоткрылся рот, и мужчина застыл на месте. Через секунду он уже шел ко мне, забыв о своей спутнице, которая семенила следом, не понимая, куда это направился Артур, который наверняка уже успел возбудить ее до сумасшествия, особенно если пустил в ход все свое кобелиное обаяние. Чернышев остановился в нескольких шагах от меня, сложил руки на груди и смотрел, как я танцую. Его глаза снова стали темными и непроницаемыми. Я почувствовала, как ко мне кто-то пристроился сзади и довольно умело вторил моим движениям, увлекая в безудержном страстном танце. Я не видела своего партнера, я смотрела на Артура, выпитое martini уже ударило в голову, и я бросала ему вызов. Руки моего партнера легли мне на талию, и он прижал меня спиной к себе, я чувствовала ритм музыки, он заводил меня еще сильнее и я понимала, что мой танец с незнакомцем становится все более эротичным. Артур не шевелился, блондинка дергала его за рукав модной футболки, что-то говорила, пытаюсь перекрыть музыку, Артур ее отшил, наверняка очень грубо, потому что та ударила его по плечу и в ярости бросилась к выходу. В этот момент мой партнер по танцу резко развернул меня к себе, и я с удивлением увидела, что это Валерка. Но не успела я и рта раскрыть, как Чернышев оттолкнул от меня Валеру с такой силой, что тот не удержавшись на ногах, улетел в толпу.

– Ты что творишь? – зашипела я на Артура, пораженная его наглой выходке, но он проигнорировал мой вопрос и двинулся к Валерке на встречу. Черт, сейчас будет драка.

– Эй ты, мудака! Ты что, охренел?! – Заорал Совков и пошел на Артура сжимая кулаки.

– Не лапай девушку, не то отгребешь так, что не унесешь.

– Она со мной, так что отвали, придурок. Можешь у нее спросить.

Они остановились друг напротив друга, разъяренные со сжатыми кулаками. Я поняла, что если не вмешаюсь, начнется месиво. Один даст другому по морде, потом влезут другие, и понесется. Чернышев очень горяч, драк не боится, это я помнила хорошо, сколько раз он дрался из-за меня в том клубе, где я пела, не счесть.

– Артур, Валера мой друг детства, так что успокойся, я так понимаю ты пришел не один, пойдти поищи свою девушку, она по-моему обиделась. Если мне нужен будет защитник, я тебя позову.

Артур усмехнулся:

– Хороший друг детства, лапает тебя за задницу.

Валера набычился, но я остановила его, положив руки ему на плечи:

– Валер, Артур мой партнер по бизнесу, он хм... он разволновался, что ко мне пристаёт незнакомец. Теперь он знает, что это не так и пойдет за свой столик, правда, Артур?

Чернышев хищно усмехнулся, и у меня мурашки побежали по коже. Никуда он не пойдет и мне придется побеседовать с ним наедине, иначе драки не миновать. Тем более он явно пьян. Намного пьянее меня самой.

– Валера, я скоро вернусь, вот поговорю с Артуром, и отвезешь меня домой, хорошо?

Совков мрачно кивнул и посмотрел на Чернышева взглядом полным ненависти.

– Пошли, – я схватила Артура за руку и потащила в сторону тех приват-комнат, к которым он увлекал всего лишь пару минут назад свою блондинку. Нам преградил путь охранник, но неожиданно узнал Чернышева, пожал ему руку и пропустил дальше, я заметила, как Артур сунул ему деньги и сказал, чтобы нам не смели мешать. Ха, наверняка, привычное для него дело – тащить своих баб в эти комнаты. Как только за нами закрылась дверь, я набросилась на Артура:

– Ты что себе позволяешь? Ты вообще кто такой? Какого черта затеял ссору с моим парнем?

Чернышев усмехнулся, ухмылка получилось хищной, как оскал зверя. Я с трудом понимала, почему он вдруг стал таким агрессивным и неадекватным.

– Парень, любовник, черт я скоро собьюсь со счета.

– Я тоже. Та блондиночка явно не твоя Алена. Развлекаемся, как можем, а вообще кто тебе давал право вмешиваться в мою личную жизнь? Я тебя знаю без году неделю. Мы оба не безгрешны. То, что я сегодня подержалась за твой член, не дает тебе право...

– Мешать тебе держаться за другие? – закончил он за меня и его зрачки сузились.

– Вот именно. Даже я не смогла бы сказать лучше. Так что беги и догони свою девушку, а то и с ней тебе обломиться. Сегодня явно не твой день, Чернышев.

Артур резко схватил меня за руку и дернул к себе.

– Кто тебе это сказал?

Он обрушился на мои губы внезапно, как ураган, жестко сминая их своими губами, яростно проникая языком ко мне в рот и лишая меня сил к сопротивлению. Я изловчилась и укусила его за губу, почувствовала во рту привкус его крови. Артур отшатнулся от меня, тронул ранку рукой, посмотрел на пальцы, испачканные кровью. Когда он поднял взгляд на меня, мне захотелось вскрикнуть от резкой волны возбуждения, пронзившей меня до кончиков пальцев. Его глаза стали почти черными от желания, Артур схватил меня одной рукой за шею, другой за талию и снова жадно набросился на мой рот, ломая сопротивление, пожирая, сминая мои губы такими страстными поцелуями, что я задохнулась. Изловчившись, я ударила его по щеке, сильно ударила, даже ладонь запекло, но его это не остановило, он завел мою руку за спину, наклонив голову, обхватил губами сосок вместе с материей, слегка прикусил.

Меня начало трясти от вожделения. Я не заметила, что уже не сопротивляюсь, мои руки вцепились в его волосы на затылке, и черт бы его подрал, я отвечала на его ласки с той же дикой безудержной страстью. Мы дышали быстро, прерывисто, теперь Артур пронзал мой рот языком, словно имитируя движения внутри моего тела, и я поняла, что тихо постанываю от наслаждения. Я изголодалась по нему, изголодалась настолько сильно, что теперь мною управлял лишь этот первобытный голод, сметающий все на своем пути. Он поднял меня за колени, заставляя обвить ноги вокруг его торса. Теперь я прижималась к нему промежностью, прикрытой лишь тоненькой полоской трусиков, и чувствовала, как клитор трется о жесткую ткань его брюк и о твердую выпуклость. Внизу живота начало пульсировать, мне захотелось принять его всего вовнутрь, до упора, до боли. Пусть пронзит меня насквозь. Артур пронес меня через комнату и усадил голой попой на подоконник. Холодное стекло обожгло мою разгоряченную кожу, не охлаждая пыл, а подстегивая еще больше. Он продолжал терзать мои губы, и когда я попыталась отстраниться, грубо дернул меня к себе.

– Сама виновата, теперь можешь не сопротивляться – бесполезно, – его хриплый голос заставил меня взвиться от возбуждения. Каждый нерв был наэлектризован, меня трусило, меня выворачивало, и я уже не могла и не хотела выпускать его из объятий. Почувствовала, как он дернул трусики и те с треском порвались, а потом его палец проник в мое лоно, и я вскрикнула, пытаюсь отстраниться, избежать этого вторжения.

– Теперь моя очередь, маленькая, теперь я покажу тебе, как из глаз сыплются искры, когда тебя возбуждают. Не дергайся, не то сделаю больно.

К одному пальцу присоединился другой, и я резко выгнулась навстречу ласке, скользя спиной по холодному стеклу. Черт, как же умело он это делает, большой палец ударял по возбужденному клитору, натирает его, надавливал, теперь я уже сама насаживалась на его пальцы, громко стоная, вцепившись ему в плечи. От возбуждения у меня выступили слезы на глазах:

– Да маленькая, не молчи, давай, покричи для меня... Какая ты влажная и горячая, а говорила, что не хочешь...

К двум пальцам присоединился третий, и я закричала, громко надсадно, услышала его хриплый стон. Внезапно он вытащил из меня пальцы и принялся нежно ласкать клитор, настолько умело и дерзко, что я почувствовала, как

приближается оргазм. Быстро, неумолимо, по моему телу стекали ручейки пота, волосы упали мне на лицо, в горле пересохло. Шевели пальцами быстрее, черт тебя раздери, я сейчас кончу. Давай же... давай... Оказывается, я произнесла это вслух, и Артур зарычал, грязно выругался. Он натирал мой затвердевший комочек все быстрее и быстрее, приближая ошеломительный экстаз. Другой рукой спустил лямки платья с плеч, обнажил мою грудь и обхватил губами сосок. Теперь его язык повторял движение пальцев. Я стонала так громко, что перекрикивала музыку в зале. Артур убрал руку в тот момент, когда я уже была готова взорваться и насмешливо прошептал:

– Проси...

Еще чего не хватало, пусть он просит. Я потянулась к его губам, но он отпрянул, а рука продолжала бездействовать.

– Я сказал – проси, давай умоляй меня, ну...

– Да пошел ты... оооо

В этот момент его палец скользнул, в мое разгоряченное влажное лоно и тут же вынырнул наружу.

– Проси...

Дьявол, будь он проклят:

– Пожалуйста...

Артур снова погрузил в меня один палец, потом второй, но не шевелил рукой, а я уже была на грани, все к черту гордость, я хочу... я умираю...

– Пожалуйста, черт возьми... давай же, давай... быстрее...

Он снова нашел мой клитор и принялся умело его дразнить, не давая мне кончить, но и не позволяя расслабиться. Я запрокинула голову, жадно ловила губами воздух. У меня даже выступили слезы на глазах:

– Артур... я не могу больше... господи... пожалуйста...

Оргазм обрушился на меня внезапно, острый разрушительный, неумолимый. Первый оргазм за долгие годы. Я уже забыла, что это такое, когда тело пронзает острое наслаждение, лишаящее разума на несколько секунд. Я слышала свой крик, чувствовала, как Артур схватил меня за волосы и нашел мой задыхающийся рот, заглушая стоны поцелуями. Мое тело все еще судорожно подрагивало, когда я услышала характерный шелест. Артур достал презерватив. Наверняка у него их полные карманы, он ведь готовился трахнуть белобрысую телку, которую разводил на секс целый вечер, пока не заметил меня. Я оказалась более лакомым кусочком. От этой мысли вся моя ненависть вернулась с новой силой. Я оттолкнула его от себя так резко, что от неожиданности Чернышев пошатнулся, уронил презерватив и яростно процедил:

– Не понял, в чем дело?

Соскочив с подоконника, я метнулась к двери, обернулась к нему и пропела нежным голоском:

– Ты хотел, чтобы я просила, я выполнила твое желание, но я ничего тебе не обещала, а теперь твоя очередь просить, только не сегодня. Мне уже достаточно, к тому же я устала. Я тебе позвоню, как-нибудь в другой раз. Аривидерчи, милый, ты был неподражаем. Спасибо.

Я выскочила из комнаты до того, как он успел прийти в себя. Услышала себе вслед отборный мат, что-то разбилось о дверь. Я поискала в толпе Валеру, но тот скорее всего обиделся и ушел домой. Ну и черт с ним. Забрав свою сумочку и плащ, я выбежала на улицу, поймала такси. Только в машине я поняла, что мои трусики остались валяться на полу в той проклятой комнате. Я достала из сумочки зеркальце и посмотрела на свое отражение – глаза горят, губы припухли от его поцелуев. Ничего, Чернышев, пусть у тебя поболит сегодня одно место. Тебе полезно. Итак, Орлова, два – ноль в твою пользу. Интересно, Алена уже получила мой презент или еще нет? Если да, то и жена пошлет его подальше этой ночью. Теперь нужно сменить тактику на полную отчужденность, облить его ледяным равнодушием. Это ничего, что сегодня я не сдержалась, это даже хорошо, потому что я получила разрядку, я да, а он – нет. Больше я себе такой вольности не позволю, а если и позволю, то очень не скоро. Завтра я

должна встретиться со знакомым Ивана Владимировича, скоро у меня на руках будут все карты против тебя Чернышев. Я представляла себе как он зол, как он возбужден и улыбалась. То ли еще будет, мой дорогой, мой ненавистный враг. Война только начинается. Пусть я все еще люблю тебя, пусть я схожу с ума, когда ты ко мне прикасаешься, но ненавижу я тебя гораздо сильнее. А любовь? Ее я закопаю вместе с тобой.

Глава 8

Артур вышел на улицу и глотнул прохладный ночной воздух. Кулаки то сжимались, то разжимались. Сейчас он чувствовал себя не просто скверно, он был в бешенстве. Ему казалось, что его обманули, нет, его нагло продинамили, или еще хуже – его использовали. Чернышев яростно ударил кулаком по дереву, потом еще раз и еще. "Сукаааааа! Нет, ну какая тварь!"

Красивая тварь, сексуальная тварь и умная. Вот приехать бы сейчас к ней домой и избить до полусмерти за эту выходку. Что она о себе думает? Чего ей вообще надо? Почему она играет с ним в какую-то странную и непонятную игру? Ведь она его хотела, не просто хотела, она с ума сходила от его прикосновений. Орала как резанная, изгибалась, дрожала. Какое отзывчивое у нее тело, как оно пахнет. Кожа бархатная, гладкая, губы горько-сладкие, ядовитые губы, поцеловал один раз и отравился. Только поцелуи казались ему знакомыми, как и дыхание и кожа под пальцами. Словно дежавю, словно это уже с ним было. Почему в ее присутствии Артура постоянно преследует мысль, что он ее уже когда-то встречал? Не просто встречал, он ее знал, даже больше, ему казалось, что они уже были близки. Кто она? Когда они могли пересекаться? Может случайный секс на вечеринке? Нет, он бы ее запомнил, не смог бы забыть это точно. Дьявол.

В кармане завибрировал сотовый, Артур нервно ответил на звонок.

– Чернышев, сволочь, ты что вытворяешь? А, гад?

Артур узнал голос тестя.

– Не понял, вы о чем?

– О твоём бл***ве, я на все закрывал глаза, но, черт тебя подери, почему моя дочь должна получать мерзкие анонимные снимки, где ты трахаешься с какими-то девками?

Чернышев тяжело вздохнул полной грудью:

– Какие к черту снимки? Вы о чем?

– О том, что сегодня Алене на электронный ящик пришло анонимное письмо с твоими фотографиями. Кто-то снимал, как ты развлекался неделю назад в борделе.

Артур грязно выругался, сел за руль:

– Где Алена?

– Поехала к своей матери, видеть тебя не хочет, плачет.

– Я привезу ее домой. Завтра утром поеду за ней.

– Сегодня поедешь, Чернышев. Плети ей, что хочешь: про фотомонтаж, про подставу, но я хочу, чтобы она успокоилась. Алена беременна если ты не забыл.

– Не забыл. Я поеду за ней завтра, сегодня я не в настроении выслушивать ее истерику. Все. Спокойной ночи!

– Чернышев!

– Спокойной ночи, Алексей Андреевич.

Артур захлопнул крышку мобильного и нажал на газ. Какая тварь умудрилась снять его? Когда это было? Неделю назад? Черт, ну что за гадство – неприятность за неприятностью. Сотовый зазвонил снова и Чернышев рывкнул:

– Алло!

– Артур Александрович, объект горит, все к черту, одни камни остались.

Чернышев резко затормозил.

– Какой объект?

– Гостиница, все сгорело дотла, а вы страховку еще не оформили.

Чернышев развернул машину и поехал в другую сторону, на лбу выступили капельки пота, а сердце глухо забилося. Да, он, мать его так, не оформил страховку, агент – лиса хитрая – захотел слишком высокий гонорар, видите ли, нормы пожарной безопасности не выдержаны в проекте, поэтому страховка будет дороже. Рахманенко смешает Артура с дерьмом. Это колоссальные потери, убытки в сотнях тысяч евро.

Пламя уже успели потушить, но здание сгорело до основания. Повсюду стояли пожарные и полицейские машины, собралась куча народа. Сторож трясся, как осиновый лист, увидев Артура, чуть не грохнулся в обморок. Чернышев сгреб его за грудки:

– Ты куда смотрел, мать твою? Куда смотрел, сука? Я тебе за что деньги плачу?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Хроническое заболевание легких, или бронхопульмональная дисплазия – это состояние, которое создает проблему с дыханием у новорожденных, особенно у тех, кто был рожден слишком рано. Легкие не могут захватить воздух или быть ослабленными, наполненными жидкостью или слизью.

Лечение зависит от того, насколько серьезное состояние. Оно обычно включает в себя кислородную терапию и иногда использование вентилятора, также как и медикаменты и диетотерапия.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/lyubov-yad

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)